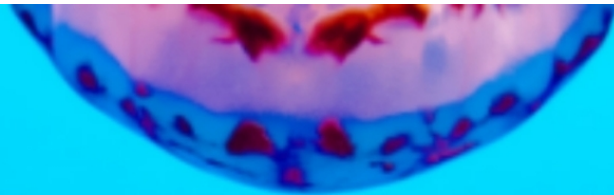

Рахиль Гуревич

Болельщик на солнцепёке

рассказы

о

любви

и

спорте

12+

2019

Рахиль Гуревич

**Болельщик на солнцепёке.
Рассказы о любви и спорте**

«Автор»

2018

Гуревич Р.

Болельщик на солнцепёке. Рассказы о любви и спорте /
Р. Гуревич — «Автор», 2018

Как жаль, что детство проходит. Герои рассказов, абсолютно разные подростки, вступают в пору взрослых проблем, размышляют, переживают томление, ожидание любви, и, конечно, влюбляются... Но эти рассказы не только о любви юноши и девушки, о начале их отношений, это рассказы и о любви к своему дому, к природе, о любви отеческой, о дружбе и взаимовыручке бывших врагов, а ещё о жёсткости и жестокости так свойственной юношескому максимализму. Все рассказы выполнены в спортивных декорациях. Спорт помогает приводить свои чувства в порядок, спорт - великий философ и успокоитель...

© Гуревич Р., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Болельщик на солнцепёке	5
Рассказы о любви и спорте	5
Бронзовый значок ГТО	6
Как известно, бронзовый значок ГТО – для утешения.	6
Героиня рассказа, аутсайдер волейбольной команды, уверена, что бронзовый значок – настоящая награда.	
Фиаско Филимоновой	9
Способности в спорте – далеко не всё. Важнее целеустремлённость, настрой. Но Насте Филимоновой некому подсказать, а ориентиры на глянец мешают Настиным тренировкам.	9
Порхают ли бабочки в воде	19
Полина – чемпионка в виде баттерфляй. Её бесят слабые ровесники. Повзрослев, Полина понимает, что ей очень хочется побыть иногда обыкновенной и слабой.	19
Стопа, стрельба и колобашка	29
Молчание – знак согласия	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Рахиль Гуревич

Болельщик на солнцепёке.

Рассказы о любви и спорте

Болельщик на солнцепёке

Рассказы о любви и спорте

Этот сборник рассказов вошёл в длинный список конкурса Михалкова в 2018 году,
Стал финалистом конкурса «Золотой Витязь» в 2018 году в номинации литература для
детей и юношества,

В 2017 году в сокращении этот сборник стал финалистом Корнейчуковской премии в
номинации «Проза для подростков зарубежных авторов»

Бронзовый значок ГТО

**Как известно, бронзовый значок ГТО – для утешения.
Героиня рассказа, аутсайдер волейбольной команды,
уверена, что бронзовый значок – настоящая награда.**

– Девчонки! – сказала тренер Ольга Михайловна. – Сдаём ГТО. Все регистрируемся на сайте. Заполняем анкету, получаем индивидуальный номер.

– Ой-й-й! – пронеслось по команде.

– Чем не довольны? Сложно на сайт зайти?! В соцсетях ночи напролёт, а тут для дела надо. Балл к ЕГЭ значок ГТО прибавляет.

– О-о-о-о!

Прокричали «о-о-о» даже девочки из третьего состава. Бывает же так, что и одного балла для прохождения на «бюджет» не хватает.

А вот борцы никакие «о-о-о-о» в своих залах не кричали, они кричали «не-е-ет!», им эти баллы ЕГЭ вообще не нужны, потому что борцы до одиннадцатого не дотягивают, уходят после девятого. Тогда борцам намекнули, что вдруг и после девятого класса значок ГТО не лишний будет – и борцы, вздохнув, смирились.

Спортшкола в шоке – требуют результаты по ГТО. Спортшкола на волейболистов надеется: надо же на кого-то надеяться, не на борцов же: борцы по жизни тупят.

И стали девчонки сдавать ГТО. С места прыгнуть – ерунда. Мяч килограммовый бросить – легкотня. Отжаться тоже можно. Остаётся бассейн и кросс.

В бассейне – первая трагедия. На золотой значок надо проплыть за минуту-десять. Это легко тому, кто хоть чуть-чуть плавать с инструктором учился. А кто сам на речке плавал по–собачьи, тому как быть? Ксюша Смирнова разрыдалась. Она в команде доигровщица, ей лучшего игрока¹ сколько раз вручали, а проплыть пятьдесят метров не смогла. Не доплыла! В голове шумит, ноги сводит. Чёртов бассейн, чёртово плавание. Борцы, призёры России, пятьдесят метров по–собачьи всё же доплыли, у борцов всё-таки силища какая, они долго терпеть могут, пусть и голова шумит – на серебряный значок надо просто доплыть.

– Рёв прекратить, – сказала Ольга Михайловна Ксюше. – Ничего не поделаешь. На следующий год плавание пересдашь, осенью. Кто не доплыл, летом идите в бассейн, занимайтесь с инструктором, быстро научитесь. А теперь, – Ольга Михайловна сделала испуганное лицо: – А теперь остаётся самое главное: кросс на два километра.

– Уууу.

Волейболисты не бегуны, у них другая специфика – игровые моменты. Волейбольные тренировки долго не длятся. Голова устаёт: на площадке ж всё позиции, перестановки – стратегия игры. Стали на разминке круги по залу наматывать – после на игре все тормозят кошмарно: приёма нет, паса точного нет, блока нет, нападение – в сетку. А что делать? Нечего делать. ГТО надо сдавать.

Девочки волновались перед кроссом, хотели пробежать за десять-тридцать – на золотой значок. И Лина волновалась. Она боялась вообще не добежать. Как бы так добежать?! Если десять-тридцать – золотой значок, двенадцать минут – серебряный, то минут четырнадцать должен быть бронзовый. И почему про бронзовый никто ничего не говорит? Только про золо-

¹ На волейбольных турнирах всем игрокам судьями засчитываются очки. После турнира игрок, набравший больше всего очков, награждается

той и серебряный? Вот, в плавании на серебряный надо просто доплыть. Может, на бронзовый надо просто добежать? Такая, ведь, убойная дистанция!

Все рванули на старте. И Лина поползла. Главное – добежать. Пять кругов по стадиону. Главное добежать. И добежала. За пятнадцать минут. А Валюшка Толстухина сошла – плохо ей стало, свалилась. Как она вообще могла в первом составе играть и не добежать?! Впрочем, Валюшка иногда и на играх валилась, сколько раз теряла под сеткой мяч. Потом поднимется, такая, с паркета, и на всех недоумённо озирается: что произошло, не пойму? И здесь, на стадионе, Валюшка на финишную линию наступила и сразу на бок брякнулась, лежит, ртом воздух хватает: что произошло, не пойму?! А чего тут понимать? Не добежала круг, и всё. А Лина, добежала! За ней ещё Ульяна и пацаны из борцовских классов – борцы вообще ползучие, они ж в залах своих не бегают, только борются.

– Валюха, Лина и Уля, не засчитаны! – объявила Ольга Михайловна.

– Почему?! Я же добежала! – возмутилась Лина.

– Ты бы ещё за двадцать минут добежала.

– Но я же за пятнадцать. А на бронзовый значок какое время надо? – с надеждой, проговорила Лина, вытирая пот с лица: – Четырнадцать-тридцать?

– Капитолина! – Ольга Михайловна посмотрела как-то странно:– Бронзовый значок – утешительный, его как бы и нет.

– Почему?

– Он не идёт в зачёт, он нам не нужен, его бабушкам и дедушкам вручают, если они решили стариной тряхнуть. – Дальше тренер обратилась сразу ко всем «незасчитанным»: – Не расстраивайтесь, девчонки, осенью после лагеря пересдадим ГТО. Но нормативы выше будут. Десять-тридцать на серебряный, а золотой – девять-пятьдесят.

«Опять пересдавать, – думала Лина. – Десять-тридцать – это же не реально. Но всё равно хорошо, что я сегодня добежала и ни разу на шаг не перешла. Главное, что на шаг не перешла. Я свою задачу выполнила».

Лина шла со стадиона, её обгоняли машины, родители увозили уставших после кросса детей, подвозили заодно и «безлошадных». Но Лину никто не предложил подвезти. Лина шла и вспоминала, как раньше родители называли её Капитошкой. Капитошка – это такой герой мультфильма, он круглый, он озорной, он быстрый. А сейчас Лина выросла. Мама зовёт её – Линой, папа – Капой, девчонки по команде тоже Линой, тренер – Капитолиной. Никто больше не зовёт её Капитошкой, вот она и сдувается...

А ещё Лина думала, что, вот, не существует же в волейбольной команде третьего состава. Есть только первый и второй. Но вот, она, Лина – в этом третьем, которого вроде как не существует. И ещё другие с ней девочки. Мишель, она за четыре года в волейбол так и не научилась играть; Ульяна, она в обморок упала на перемене, все обследования нормальные, но всё равно: выше третьего состава Ульяне больше не подняться; Вика, у неё что-то с сердцем – обследуют, такое, говорят, иногда при высоком росте случается; Лера – её на учёт в ОДН² поставили и в наказание в третий состав перевели; весёлая девочка Олеся – она из школы уходит собирается, она подвижная такая, связкой³ хорошей была, но, как узнали, что уходит, сразу оказалась никому не нужна.

Третий состав тоже вроде как утешительный. Третий состав у стенки на играх не стоит, им разрешают на турниры вообще не являться. Так и с бронзовым значком ГТО. Вручается пенсионерам и слабакам. То есть, бронзовый значок тоже у стенки не стоит и на скамейке запасных не сидит, баллы за него к ЕГЭ не прибавляют. Но бронзовый значок – у каждого в душе. Хорошо, что он всё-таки есть, можно на что-то хорошее всем надеяться. Вот Валюшка

² Отделение по делам несовершеннолетних, бывшая детская комната милиции

³ Связка – в волейболе: связующий игрок, работает на втором пасе.

Толстухина из первого состава – не пробежала, сошла. Для Ольги Михайловны, что Лина, что Валюшка – одно и то же: не засчитаны. А вот, например, на уроках: всё делаешь, сам решаешь. И тебе «два». Но ты не просто ничего не написал и не ответил, а с ошибками ответил, зато честно, без списывания. Когда честно, хоть и плохо – это бронзовый значок.

Разные ещё теории и мысли насчёт бронзового значка возникали у Лины после кросса: бег проветривает мозги, бег – самый эффективный успокоитель и философитель... Долго ещё Лина ползла к метро, медлительная гусеница, улитка, двоечница, неудачница. Вокруг Лины, нервно обгоняя или понуро, навстречу, шли прохожие: пенсионеры с палочками и с сумками на колёсиках, люди среднего возраста с отрешёнными безразличными или страдальческими лицами, школьники с рюкзаками и детсадовцы с игрушками. Все озабоченные, все сосредоточенные, пенсионеры ещё идут и под нос себе что-то бубнят. Одни дошколята весёлые, да и то не все. Кто они, эти люди? Да кто угодно! Учителя и ученики, покупатели и продавцы, арендодатели и арендаторы, банкиры и кассиры, врачи и больные, предприниматели и воздыхатели, рекламщики и агитаторы, жители окрестных домов и гости района, дворники и бегуны стадиона. Лине захотелось, чтобы люди, встречные и поперечные, не шли такие грустные, ей захотелось крикнуть:

– Люди! Человеки! У нас всё хорошо! У нас у всех бронзовый значок ГТО!

Но потом Лина передумала кричать, она решила, что всё равно никто ничего не поймёт, а объяснять – лень.

Фиаско Филимоновой

Способности в спорте – далеко не всё. Важнее целеустремлённость, настрой. Но Насте Филимоновой некому подсказать, а ориентиры на глянец мешают Настиным тренировкам.

Как?! Вы не знаете Филимонову? Филимонову все знают. Зовут её Настя, а фамилия Филимонова. Настя летом после первого класса на речке плавать научилась, всё лето проплавала. В августе приехала в город, а подруга Кукубаева говорит:

– Пойдём в бассейн. Там в секцию отбирают. Папа мне сказал: если боишься одна, возьми подружку. А я страх как боюсь!

– Пойдём. Я совсем не боюсь, – улыбнулась Филимонова и манерно, как в рекламе про шампунь, откинула со лба прядь волос.

Папа Кукубаевой отвёл подружек на просмотр. Пока шли до бассейна, через пять переходов и десять дорог, Филимонова узнала, что Кукубаева два года в этом бассейне на «абонементе»⁴ отплавала.

– Абонемент – это когда за месяц платишь, – объяснял папа Кукубаевой, осторожно поправляя солнцезащитные очки, в них шупленький папа подруги казался совсем другим: страшно серьёзным, жутко авторитетным, большим и сильным. В стёклах очков отражалось всё, что мимо проходили: дома, деревья, машины, люди... Папа Кукубаевой вздохнул:

– Полторы-две тысячи стоит в месяц абонемент. Эх, девчата, с работы-то меня уволили. Не потяну теперь абонемент. Надеюсь, что примут нас.

Настя думала: полторы-две тысячи! Скандал просто. Это же целый айфон за год набегает, за два года ноутбук, за три телевизор с огромным плазменным экраном, а за четыре... страшно подумать, что за четыре, может даже подержанный автомобиль...

Их обеих отобрали. Настя и не сомневалась, что её отберут. Её в первом классе куда только не приглашали: и на баскетбол, и на пинг-понг, и на волейбол, и на лыжи, и на спортивное ориентирование, но она никуда не стала ходить. Это же ездить надо, а у неё навигатора в телефоне нет, а без навигатора как дорогу найти – вот если бы встроенная программа джи-пи-эс как у других... Но у Насти нет такой продвинутой программы, э-эээх.

Осенью, в сентябре, после того как списки принятых в спортивные группы вывешивались на стеклянные двери спорткомплекса, разыгрывались комедии и драмы. Вот подходит мама с девочкой. Девочка весёлая, всё прыгает, всё скачет. Мама волнуется, пальцем по списку водит, находит дочкину фамилию и начинает прыгать выше дочки, выше и веселее. Лёгкие такие мама с дочкой, воздушные, особенно мама. А на следующий день мама с постели еле поднимается: тело ноет, мышцы болят. «Вот я покуралесила вчера, – думает мама. – Вот так стыдоба».

Бывает ещё: подойдёт к спискам парень, серьёзный такой, взрослый, старший брат – по всему видно, найдёт в списке родную фамилию и – сразу звонить, докладывать родителям:

– Приняли! Не волнуйтесь! Я дрожу?! Я не дрожу! Я непонятно говорю?! При-ня-ли!

А из трубки на парня такой визг обрушивается, так в трубке обрадовались и визжат, что ухо у старшего брата сразу слышать перестаёт, глухнет начисто. И он, злой-презлой, в поликлинику спешит, к врачу-ухо-горло-носу.

⁴ Абонемент в бассейне – платные занятия на определённый срок

А бывает так. Подъедет на дорогой иномарке мама вся из себя модная и гордая, загорелая и надушенная, нацепит очки на нос, раз прочитает список сверху вниз, второй раз – снизу вверх, потом снимет очки – вдруг через линзы не всё видать, вдруг из-за них, кривых-косых-выпуклых-вогнутых реальность искажается... Но нет! И без очков, и в очках не видно родной фамилии в списке. Топнет мама каблуком, фыркнет, хлопнет дверцей машины и уедет.

А вот подходит бабушка с палочкой. Не старая ещё бабушка, бабушка молодая, а с палочкой ходит для защиты от нервных и приставучих – сами знаете, какая сейчас на улицах обстановка... Подойдёт бабушка спокойно, внимательно прочитает списки, и вдруг давай метаться, давай дрыгаться. То в одну сторону хочет идти, то в другую. Потом дверь в здание открывает, и к администратору бассейна:

– Почему? – спросит, – мой внучек Данечка Хрюников в списках не значится?

– Не прошёл отбор.

– Этого просто не может быть. Это какое-то недоразумение. Мы три года на «абонемент» отходили.

– Что ж... ходите четвёртый.

– Обдираловка. Хотим в секцию, в спортшколу бесплатную!

– Ну, так уж вышло. Не прошёл ваш Данечка отбор, – виновато разводит руками администратор.

– Перепроверьте списки! – требует бабушка и палочку свою как бы невзначай приподнимает.

– Увы, тренеры сделали свой выбор.

– Позовите директора!

– Директора сейчас нет.

– Позовите тренера!

– Тренеры все на сеансе.

– Тогда мне придётся писать в вышестоящие организации, – и бабушка своей клюкой уже грозит серьёзно, размахивает во все стороны как японский самурай.

– До свидания.

– Что значит «до свидания»? У вас здесь одни свои в спортшколу попадают?

– До свидания. У меня обед. Сушку не хотите? Вкусная, с маком.

– Нет!

Администратор кидает себе в рот сразу две сушки. Бабушку охранник выпроваживает. У охранника дубинка на поясе висит, бабушке своей палочкой дубинку не победить.

Помечется ещё бабушка на улице рядом со списками, попрыгает во все стороны света, поразмышляет: куда бы жалобу накатать, прокричит последнюю угрозу и... угомонится, успокоится, уйдёт восвояси.

Но родители Насти Филимоновой не знали драм, не наблюдали комедий, не могли оценить того, что дочь приняли в спортивное плавание всего-то после одного-единственного лета, проведённого на узенькой мелкой речке с сильным течением. Ну приняли и приняли. Кто водить на тренировки будет? – вот неразрешимый вопрос. Родители на работе до ночи. Настя весь первый класс самостоятельно всё по дому делала, да ещё сестрёнку из садика забирала. А теперь получается Настю надо в бассейн водить три раза в неделю через пять светофоров и десять дорог! Кому водить?! Стали просить бабушку. Бабушка у Филимоновой была не то чтобы против бассейна, но у бабушки были свои увлечения, она посещала общество любителей планет, созвездий и гороскопов. И тоже три раза в неделю. И именно во второй половине дня.

– Чемпионы никому не нужны, – авторитетно утверждала бабушка. – Они десять лет пашут, чтобы выиграть на чемпионате. А потом всё. Где эти чемпионы? Нет их. Бассейн достаточно посещать раз в неделю для снятия общей отрицательной энергии.

Тогда бабушке объясняли, что раз в неделю – только за деньги, а если секция, то бесплатно. И тогда бабушка Филимоновой сказала:

– Бесплатная секция – это хорошо.

Тогда родители заинтересовались у бабушки: по каким дням у неё кружок. А бабушка в ответ:

– А у вас по каким бесплатная секция?

Но родители поняли хитрость – бабушка хочет так, чтобы дни совпали, чтобы не водить. И родители не открыли Настины дни, пока бабушка о своих днях не проговорила. Оказалось – вот те на! – что дни не совпадают. У бабушки кружок – вторник-четверг-суббота, а у Насти бассейн – понедельник-среда-пятница. И тогда бабушка с тяжким просто мученическим вздохом промямлила:

– Я согласная внученьку Настю водить на бесплатные занятия, но не забесплатно.

Родители возмутились, а бабушка Филимоновой сказала, что у неё все подружки по обществу любителей планет, созвездий и гороскопов нянями в семьях подрабатывают:

– Отвезти-привезти-из школы встретить... И все по понедельникам и пятницам, и всем, между прочим, платят помногу!

И тогда родители решили своей бабушке платить понемножку, всё-таки родной человек, надо помогать.

– А мне много и не надо, – уверила бабушка, она повеселела, нос и лоб у неё покраснелись. – Я для родной внучки на всё готова. А если не смогу, если у меня заседание в обществе, то папа Кукубаевой выручит.

Но Настя сказала, что от Кукубаевых не дождёшься.

– Почему? – удивились родители, бабушка, и даже младшая сестрёнка сказала со ртом набитым конфетами: – Пофему?

– Они мне завидуют.

– Пофему?

– Я активнее всех. И вообще самая прекрасная красота.

– Да и сами справимся, – нахохлилась бабушка. – Нет! Это ж какие люди пошли. Красотой не любят, чужому счастью не рады – плохие люди пошли. Вот у нас...

Но что было в старые времена, так никто и не услышал: ужинали под оглушительный рёв – у малышки отняли конфеты.

Геннадий Леонидович редко ошибался в детях. Но на этот раз ошибся. Нет! Тренер прекрасно видел данные ребёнка. И у Филимоновой, безусловно и вне всякого сомнения, данные к плаванию были потрясающие: и рост, и стопа гибкая, и плавучесть, и координация. Но так как родители работали целый день, а бабушка изучала «планет созвездия» и чертила гороскопы, то Филимонова была предоставлена сама себе и не очень догадывалась, что значит спортивная секция. До плавания Настя жила прекрасно. Музыку в телефон закидывала, все сериалы по телеку смотрела... Вертелась перед зеркалом, примеряя мамины наряды, гуляла с друзьями во дворе и на детской площадке. И все на площадке, на турниках, восхищались ловкостью Филимоновой. В бассейне, увы, никто Филимоновой не восхищался. Настя старалась изо всех сил хорошо выглядеть. Но в бассейне особенно не покрасуешься, шапочки резиновые дурацкие, очки как у черепахи Тортиллы. Все, и девочки и мальчишки, в шапочках выглядят как монстры лысые и с выпученными глазами, а после тренировки, в душевых и раздевалке, все с красными запыхавшимися рожками, белыми следами на переносице и вокруг глаз от очков.

Но перед плаванием было ОФП⁵. И уж там Филимонова звездил по-настоящему. В любую погоду, даже в плюс ноль градусов, она надевала маечку с тонюсенькими бретелечками и распускала свои необыкновенные длинные волосы.

– Филимонова! – говорил Геннадий Леонидович. – Почему без олимпийки, где твоя ветровка?

– А мне не холодно! – Филимонова с достоинством отбрасывала за плечи прядь волос и улыбалась.

Геннадий Леонидович ничего больше Филимоновой не говорил, он видел, что без толку все эти разговоры.

Скорость в бассейне у Филимоновой быстро росла. Она стала плавать быстрее мальчиков, но зимой вдруг ей плавать разонравилось. Ей надоело сразу после школы тащиться в бассейн. И рюкзак тяжёлый, с учебниками, пеналом, ластами и лопатками⁶, на плечи давит, и холодно на улице, и бабушка достаёт своими предупреждениями:

– Ты сегодня, Настенька, плавай помедленнее, занимайся в полсилы, Луна сегодня в третьем доме, эра Меркурия настанет, а эра Водолея уходит... уходит от нас Водолей, поняла?

Чтобы не слушать про эры и лунные дома Настя врубала музыку в телефоне, но телефон быстро садился на морозе. И домой приходилось тащиться уже без музыки...

На первые соревнования Филимонова опоздала. Толпа напуганных взволнованных детей давно прошла в раздевалки. Толпа переживающих родителей, «предъявив» уборщице на входе переобутые в шлёпки ступни, давно толкались на трибунах бассейна. Родители кричали, пытаясь привлечь внимание своих детей неотложными замечаниями, в бассейне стоял гул как в улье. Разминка началась давным-давно, а Филимонова с бабушкой только подошли к зданию спортивного комплекса. Филимонова лихо сплюнула жвачку на асфальт – жалко, но что поделаешь. Если жвачка на соревнованиях изо рта выпадет и на дно опускаться станет, это ерунда, а вот если жвачка проглотится на вдохе, она может попасть куда-то не туда. Филимоновой случилось уже так проглатывать – Филимонова аж задохаться начала. Хорошо Кукубаева крикнула Геннадию Леонидовичу, он нагнулся, вытащил уже начинавшую синеть Филимонову на бортик, да как даст ей в спину кулаком. Филимонова вздрогнула, подпрыгнула, кашлянула – жвачка и вылетела как ядро из пушки...

В общем, от разных непредвиденных случаев выплюнула Филимонова на асфальт жвачку и почапала на соревнования. А бабушка Филимоновой осталась в фойе одна-оденёшенька, достала блокнот и лунный календарь, принялась чертить гороскопы.

– Вы что: не хотите посмотреть как ваша внучка плыть будет? – удивилась уборщица.

– А чего смотреть-то? Плавает и пусть плавает. Мне за просмотр денег не платят.

– Так вы няня?

– Бабушка, но подрабатываю при внучке няней. Сейчас же все подрабатывают. А я что – хуже? Вы кто по гороскопу? Не как случайно?

– Как! А как вы узнали? – обрадовалась уборщица и стала рассказывать: – Это хорошо, что вы и няня, и бабушка в одном лице, и здесь сидите. А то вот была няня, просто няня, не бабушка. Привела ребёнка в бассейн, и тут же ушла, а сумку с плавками и шапочкой ребёнку не отдала. Пришла с сумкой и ушла с сумкой. Несчастный ребёнок сидел себе и сидел у нас в гардеробной. Весь сеанс, представляете, проплакал несчастный. Вот вам и няня.

Бабушка Филимоновой посмотрела очень пристально на уборщицу и сказала:

– Вы в год крысы родились, угадала?

⁵ Общая физическая подготовка

⁶ Лопатки – тренажёры-приспособления на ладони для формирования техничного гребка в кроле

Филимонова не ожидала от соревнований ничего хорошего. А когда ничего хорошего не ждёшь, это хорошее чаще всего и случается. Когда Филимонова вышла к ванне бассейна, к ней подбежала радостная Кукубаева:

– Настя! А разминка-то – всё.

Филимонова ничуть не расстроилась, только рукой махнула:

– Ну и ладно.

Настя шапочку ещё не успела надеть, держала в руке. Она встряхнула золотисто-русые волосы, они шёлковым невесомым покрывалом разбежались по спине. Заиграла призывная музыка, приглашая всех, и тренеров, и участников соревнований, на построение. Одна мама всё подбегала к бортику, где выстроились спортсмены, всё кормила своего дохленького мальчика пирожком. Мальчик как раз стоял рядом с Филимоновой. Он сказал ей, пока судья читал программу соревнований:

– Хочешь пирожок?

Филимонова с большим удовольствием сжевала полпирожка, и ещё полпирожка, и ещё.

Начались соревнования. Ждать нужно было своего заплыва, а пока Филимонова болтала с дохленьким мальчиком и ещё с другими мальчиками, сильными, мышечными. И это было просто замечательно! В сто раз лучше, чем во дворе и в школе! Сидишь себе около воды, любишься, отрицательную энергию снимаешь и усталость мозга, никуда не спешишь, ждёшь своего заплыва и болтаешь, болтаешь... Филимонова проплыла свои пятьдесят метров очень удачно и совсем не устала. Всё. Можно было идти переодеваться. Но Филимонова решила посмотреть соревнования дальше, поболеть за новых друзей: ведь, мальчики стартовали после девочек. Кукубаева тоже хотела остаться с Филимоновой, но папа махнул Кукубаевой, показывая на электронное табло – там были часы. И Кукубаева ушла.

Вокруг итоговых протоколов, вывешенных на стене на следующий день, собралась целая толпа. Филимонова заняла почётную седьмую строчку. Это ей мальчишки сообщили, новые друзья. Филимонова к толпе озабоченных родителей не приближалась. Безусловно, это был успех. Но Филимонова этого не понимала. Это понял папа Кукубаевой, его дочка заняла пятьдесят седьмое место.

В общем и целом, оказалось, что в бассейне много приятных моментов, кроме тренировок. Нет! Плавать Филимонова любила, но сам факт, что надо, вот, идти и плавать в одно и то же определённое время, ей не нравился. Тренировки по плаванию начинались тогда же, когда и любимый сериал по телевизору. В фойе висел огромный экран, все ожидающие своих детей бабушки были прикованы к нему. И хоть бабушка пересказывала Филимоновой на обратном пути серию, это было уже не то. А сколько можно песен переслушать за время тренировки, сколько пузырей из жвачки выдуть! И ОФП Филимоновой разонравилось. Общая физическая подготовка проводилась зимой в зале, волосы приходилось убирать в хвост, иначе Кукубаева в них путалась, когда упражнения в паре делали. Да и на маечку приходилось натягивать кофту, а то тренажёры неприятно железками плечи холодили.

Однажды Филимонова потеряла пакет с вещами. Она вышла в фойе, бабушка стала ругать Филимонову, стыдить: как, мол, не стыдно родной бабушке грубить и от сериала отрываться:

– Не стыдно. Ты мне пакет не отдала.

– Что же ты обманываешь?! Ты вещи припрятала, чтобы на тренировку не идти.

– Да. Чтобы не идти, – психанула Филимонова и села рядом с бабушкой смотреть любимый сериал.

Филимонова вскоре перестала нервничать из-за пакета, и погрузилась в мир красивой жизни, где есть любовь, интриги, шикарные машины, кофе и услужливые бармены, в мир, где герои страдают, а некоторые даже погибают. Насте очень понравилось не ходить на тренировку и сидеть перед плазменным экраном своей мечты.

Вышла уборщица протирать полы, сказала мимоходом, тыкая шваброй под лавками:

– Белый пакет, на котором сидите, не его случайно ищите?

– Я села? – испугалась бабушка. – На что я села?! Я ни на что не садилась. Ой! – взвизгнула она и вскочила. Под бабушкой действительно лежал внучкин пакет с купальником, очками, полотенцем и шапочкой.

Люди в фойе начали обсуждать бабушку Филимоновой:

– Ну ладно она на шапочке сидела, ладно на полотенце, но, пардон, как же она сидела на очках для плавания и этого не заметила?

– Не знаю! – ничуть не смутившись ответила бабушка Филимоновой. – Я увлекаюсь звёздами, галактиками, будущим... ну и сериалом чуть-чуть! А тут – какой-то пакетик, какие-то очочки, разная ерунда, а Луна, между прочим, сегодня в третьем доме!

Филимонова, наблюдая, как выходят её согруппники после тренировки в фойе: красные, с белыми следами вокруг глаз от очков, пропахнувшие хлоркой, уставшие, измотанные, подумала, что в общем-то всё складывается совсем не плохо, и в общем-то хорошо бы почаще бабушка погружалась в галактики и улетала в лунные дома, почаще бы садилась на сумки – тогда треньки⁷ можно будет пропускать по уважительной причине – из-за невнимательности бабушки. «Ну хотя бы до апреля поменьше тренироваться, – размышляла Филимонова. – В апреле уж точно ОФП снова на улице будет. Опять можно в топике рассекать, бегать».

Совсем не ходить на тренировки получалось не часто, но иногда получалось. Филимонова начала смаковать эти дни без тренировок, она ходила по дому, просто ходила по комнате, смотрела в окно – высокий этаж делал Настю ближе к серому небу, до высоких этажей не доносился шум магистрали, только сирены «скорых» и нервные сигналы машин... Настя хотела насладиться каждой минутой свободы. Но бабушка вдруг стала возражать против «откровенных прогулов», хотя по осени сама уговаривала Настю прогулять. Но теперь бабушка втянулась, ей понравилось провожать Настю в бассейн, ей понравилось сидеть в фойе, общаться с уборщицей, слушать разговоры родителей и других бабушек, смотреть сериалы в компании. И когда Настя наотрез отказалась идти в бассейн (а Настя в плохом настроении была очень упорная!), бабушке надоело бороться с родной внучкой. Она стала искать работу настоящей дорогой няни и бегать по собеседованиям. Оказалось, что нужны рекомендации. И родители Насти написали своей же бабушке рекомендацию. А уборщица бассейна стащила у секретаря незаполненную справку-освобождение от школы для пловцов, выезжающих на соревнования, и сама вписала туда рекомендацию: мол, постоянно водит ребёнка в бассейн – печать и подпись директора спортшколы уже стояли.

Весной на итоговых соревнованиях Филимонова стала десятой, что было прекрасным результатом. Филимонова радовалась десятому месту, она наконец-то поняла, что другие о таком месте могут лишь мечтать. Целых три дня проходили соревнования. Сколько слёз наблюдала Филимонова в эти дни, сколько нервностей, истерик, ругани и недовольства. Филимонова не разминалась – зачем? Она прогуливалась по бортику, измеряя шагами периметр бассейна (по математике как раз прошли периметр), гордо встряхивала головой – волосы искрились, скользили по спине, как водная гладь бассейна. Настя – настоящая русалка. Зачем расстраиваться и рыдать? На соревнованиях просто здорово. Настя подружилась с девчонками из средней группы, они теперь целой компанией сидели, дожидаясь своих заплывов, Настя болтала с ними за жизнь. Знакомый с прошлых соревнований мальчик притащил Филимоновой целый мешок пирожков. Разделили по братски, то есть по-сестрински.

В конце мая Геннадий Леонидович подошёл к бабушке Филимоновой, загородил своею широкой спиной весь огромный плазменный экран и сказал:

– Или ходите, или уходите.

⁷ Тренька (сленг.) – тренировка

А бабушка ответила:

– Мы всегда ходим. И встаньте, пожалуйста, левее, то есть, правее. За вами сериал не видать.

– Настя приходит к концу сеанса! Весь месяц опаздывает!

– Не может быть. Мы вовремя приходим.

Геннадий Леонидовичу надоело эти пререкания, и он сказал:

– Я предупредил. Мне такое отношение не нужно.

После сеанса бабушка дождалась Кукубаеву. Но папа Кукубаевой увёл свою дочку, не разрешил отвечать на вопрос: опаздывает Настя или не опаздывает на сеанс. Но тут другая мама, отзывчивая и улыбчивая, председатель родительского комитета, сказала:

– Моя дочь всё время рассказывает, что Настя ваша отсиживается в раздевалке, сидит и музыку слушает.

Так Филимонову вывели на чистую воду.

На следующий учебный год бабушка устроилась работать няней в очень богатую семью, планеты, созвездия и гороскопы её стали интересовать намного меньше, а деньги намного больше. Бабушка и дома почти перестала бывать. Кому же теперь водить Настю в бассейн?

– Не волнуйся, – давала бабушка внучке инструкции по телефону. – Марс на центральной оси, Венера в пятикомнатной, звёзды говорят, что всё будет млечным путём.

Этой же осенью Кукубаева начала догонять Филимонову на тренировках. Папа Кукубаевой вдохновился, воодушевился и решил сделать благородный жест достойный джентльмена: водить на тренировку и подружку дочери.

В школе Филимонову знала вся началка. Худенький мальчик, которого маме никак не получалось откормить пирожками, учился в Настинной школе, но на класс ниже. Филимонова приветливо ему улыбалась. Она, несмотря на бешеную популярность, не зазнавалась, Настя со всеми здоровалась – на переменах только и успевала отвечать на приветствия. Худенький мальчик говорил:

– Ты так быстро плаваешь, но ленишься. Тебя уже Кукубаева доставать начала. Но я-то помню, как ты в том году гребла. Ты, Настя, лучше всех.

– Конечно я лучше всех, – загадочно улыбнулась Филимонова и откинула волосы. – А ты как дурак какой-то: в шапке на ОФП да ещё в жару.

– Эх, – разочарованно махнул костлявой ладонью мальчик. – Кто о чём, а ты всё о шапке.

Филимонова кривилась от возмущения. В этом глупом бассейне девочки не делают себе причёски, а мальчишки в жару натягивают на бошки шапки и капюшоны. Так ещё и ватки в уши вставляют, а заплывов дожидаются в тёплых костюмах и толстых старушечьих шерстяных носках. Больные все какие-то.

– Пирожки есть?

– Нет, – развёл руки-грабли мальчик и с безнадежной грустью посмотрел на Настю. Он понял, что Настя в глубине души переживает из-за того, что на новогодних соревнованиях плыла неудачно. Мальчик её решил подбодрить, он сказал:

– Я видел, как ты плыла «сто-брасс». Очень здорово. Я бы так не смог.

– Ещё бы! – Настя взяла себя в руки и ослепительно улыбнулась.

Худенький мальчик, как мог, подбадривал Филимонову весь год, он говорил, чтобы она ни в коем случае не переживала, а продолжала тренироваться. Но по грустному неловкому лицу Филимоновой мальчик видел: она всё понимает и ей неприятен разговор, ей неприятен человек, который напоминает ей о проигрыше.

Весной Филимонова проигрывала уже всем в группе, и всё меньше появлялась на тренировках.

А на следующий год Филимонову и Кукубаеву перевели к другому тренеру. Это было равнозначно отчислению. К тренеру Козыревой переводили самых отстающих детей, ну про-

сто, чтобы не выгонять сразу, чтобы наплавались и сами ушли. Тренер Козырева была доброй-доброй с малышами, а детям постарше разрешала свободное плавание – что хотите, мол, то и делайте: плавайте, ныряйте, брызгайтесь, а у меня голова болит, я тут за столиком посижу, понаблюдаю.

Дети из абонементных групп, которые раньше прятались от тренеров в туалетах и раздевалках, просиживали там все сорок пять минут сеанса, узнав о таком волшебном тренере, заявляли родителям: «На следующий месяц только к Козыревой. К ней или ни к кому!» И мамы абонементных детей были довольны: ребёнок отдыхает от нервной обстановки в школе, расслабляется в воде и уже через год начинает плавать без нарукавников. А то вот другие тренеры через два месяца нарукавники снимают – ужас, стресс для ребёнка.

В спортивную группу к такому замечательному тренеру и перевели Филимонову и Кукубаеву. Папа Кукубаевой был возмущён, но он, наконец, нашёл работу, ему стало некогда заниматься неудачами дочери в плавании и тем более её подруги, провожать девочек папа тоже больше был не в состоянии. Папа Кукубаевой так и говорил:

– Я не в состоянии разорваться: и дети, и работа.

Но нашлась чужая мама, добрая, улыбочная и отзывчивая. Она и свою дочку Лизу на машине привозила, и Кукубаеву с Филимоновой захватывала из школы. Добрая мама сама попросилась в спортивную группу к Козыревой – в других группах её Лиза всем проигрывала, всё у Лизы болело: и спина, и ноги, и руки, и шея, и язык после тренировки заплетался. У Козыревой же в группе Лиза всегда пребывала в прекрасном спортивном настроении – ведь она была первой на дорожке.

Так прошёл третий год тренировок. Дети выросли, группа стала выезжать на соревнования в другие бассейны, где Филимонову с Кукубаевой безжалостно дисквалифицировали за неправильное прохождение поворота.

На четвёртый год Кукубаева перестала ходить в бассейн – папа Кукубаевой решил не тратить больше время дочки на плавание:

– Лагерь обещали и ни разу не взяли, – жаловался всем папа. – Списали со счетов после второго года обучения, спихнули в группу аутсайдеров.

Лиза тоже перестала ходить в этот «гадкий бассейн» – её мама нашла дочери другой бассейн, в два раза глубже и в два раза длиннее.

Филимонова иногда приходила на занятия. Она привыкла к группе, к доброй Козыревой, да и тренер Филимонову очень любила. Настя училась уже в пятом классе. И если раньше ей безумно нравились современные песни и взрослые сериалы, и соцсети, и вся эта свободная жизнь, то почему-то, чем старше она становилась, тем становилось скучнее дома одной. Филимонова пробовала ходить в спортивные кружки в школу, даже на бадминтон, но всё было не то. И Филимонова бежала после школы в бассейн через пять светофоров и десять дорог. Тренер Козырева удивлялась её приходу.

– Настя! Ты?! – восклицала она. – Плавай тогда с мальчиками. Девочек, сама видишь, и без тебя на дорожке много.

И Настя плавала, тем более, что худенький мальчик теперь тоже был у Козыревой и счастливо махал Насте:

– Настя! Я тут! Плыви впереди меня!

Настя чувствовала, что еле-еле поспевает за мальчиками, но хватало парней ненадолго: они не доплывали задание, висли на бортике. В другое время Настя бы тоже остановилась передохнуть, но теперь ей хотелось больше плавать. Пусть не быстро, но плавать! Настя чувствовала волну, Настя поняла: ей нравится плавать, подныривать, делать повороты, выполнять стартики. Но по-прежнему Насте не нравилось уставать, а потом плестись домой по морозу в темноте: хотелось есть, хотелось горячего чая. Насте было одиноко на каждом из пяти светофоров и на всех десяти дорогах. «Вот бы кафе! – мечтала Настя. – А там какой-нибудь мальчик,

пусть даже этот дохляк с пирожками, и ждёт меня за столиком. Я улыбнусь и закажу двойной капучино или гясе, ещё торт, всё равно какой, но главное, чтобы сверху – взбитые сливки...» Мечтая, Филимонова укорачивала обратную дорогу до дома, входила в квартиру, валилась на диван, но надо было ещё идти в школу, забирать младшую сестрёнку с продлёнки. «Хорошо, что не в садик, хорошо, что сестра уже школьница, – думала Филимонова. – В садик я бы точно не доплелась, упала бы в сугробе, свалилась и замёрзла». Филимонова наливала в пластиковые бутылочку из-под «колы» чай-кипяток, бутылочка на глазах наклоняла горлышко – будто кланялась. Филимонова глотала на улице горячий чай из покорёженной бутылки: чай, остывал очень быстро...

Соревнования Филимонова по-прежнему обожала. И пусть многие знакомые мальчики и девочки больше не замечали её, но оставались мальчики, которые Филимонову замечали. Филимонова уже училась в шестом классе, плавала на соревнованиях со старшими. И ей приходилось разминаться в ванне бассейна, плавать среди многолюдия, уходить от лобового столкновения, подныривать, а потом ждать своего заплыва с мокрыми волосами. И всегда рядом оказывался мальчик, с которым она болтала, общалась, который был от неё без ума и, казалось, не замечал, что волосы у Насти мокрые и висят сосульками.

И вот настал самый трагический для Филимоновой день. Отбирали на первенство города. На соревнованиях плыли только двести метров кролем. И всё. Никаких брассов, никакой «спиной» – видов, которые легче давались Насте. Филимонова впервые сидела и смотрела соревнования, ни с кем не болтая, ничего не слыша вокруг. Большие девочки, перворазрядницы, кандидаты в мастера, плавали как рыбы, как русалки: легко и стремительно скользили по дорожкам. «Ведь я тоже так могу, – думала Филимонова, – смогу так в будущем. Я буду ходить на тренировки, буду! Да и пусть буду уставать. Потерплю. Я тоже хочу так плавать. Я хочу быть как эти девочки – русалкой».

Филимонова стартовала в предпоследнем заплыве по крайней дорожке⁸. Ей вдруг так захотелось хорошо проплыть. Показать, что она талантливая пловчиха, что она лучше остальных! Пусть Геннадий Леонидович увидит, как она плывёт. Он как раз стоит и даёт свисток, только что-то свистка всё не было, крикнула какая-то крякалка... Все поплыли.

– Плыви, Настя, плыви! – сказал Геннадий Леонидович.

И Настя поняла, что прозевала старт. Она так разозлилась, и всё думала, пока плыла – как же это свисток висит на груди, а стартуют не по свистку. Неужели это крякалка и есть теперь свисток? Ах, ну да! Ведь и в предыдущих заплывах что-то крякало, а она, Настя, не обратила внимания. На втором повороте Настя догнала всех, на третьем вырвалась вперёд. Но поворотов-то предстояло семь, а бассейнов, соответственно, восемь. К пятому повороту Филимонова почувствовала, что руки и ноги немеют – она задыхалась, но плыла. После шестого поворота она на секунду остановилась, увидела всех впереди себя, поняла: не имеет смысла плыть, она всё равно будет последней. Филимонова поднырнула под ленту дорожки, подтянулась на бортике, вылезла. К ней уже бежала медсестра, отвела в кабинет. Филимонова наврала, что у неё свело ногу, закололо в боку, и, вообще, «кружится голова». Медсестра попикивала чем-то освежающим на ногу, дала какую-то таблетку, и Филимонова поплелась в раздевалку. Дверь в кабинет медсестры размещалась рядом с судейским столом. Была пауза, никто не плавал, сканер на столе выплёвывал грамоты, группа тренеров собралась вокруг Геннадия Леонидовича, о чём-то говорили.

– Ну что, Настя? – улыбнулся Геннадий Леонидович. – Всё хорошо?

Настя кивнула. Она обернулась на тренеров, и увидела, что все они немножко смеются над ней, одними глазами, но смеются. И ещё она поняла, что они все её знают. Настя прошла мимо них, поправляя распущенные мокрые волосы, прошла мимо двери мужской душевой,

⁸ По крайним дорожкам ставят спортсменов с более низкими результатами.

зашла в женские душевые, встала под душ и разревелась. Ей казалось, что мир бассейна так несправедлив, так ужасен. В школе, как же все любят её в школе! Все хотят с ней дружить. И во дворе, и на площадке. А тут она – совершенно одна среди задавак-монстров, которые плавают как торпедные катеры, ходят с гордыми лицами, с позорными ватками в ушах, и даже в солнечный день натягивают шапки и капюшоны.

Настя вышла из спортивного комплекса. Было не по-осеннему сухо, прозрачно, небо – глубокое, тёмно-синее обволакивало, не давало улетучиться настиному горю. Небо было везде, мерцало в бездонном бассейне вечности Полярная звезда... Что-то прилипло к Настиному сапогу. Дома Настя разглядела, что к подошве прилипла жвачка, по привычке Настя выплюнула её у входа в спорткомплекс.

Больше Филимонова не ходила в бассейн. Это заметил худенький мальчик, который был уже не худенький, не сутулый, а жилистый, с широкими плечами и рельефными мускулами, у него вдруг «попёрли» результаты, он выкарабкался из аутсайдеров. Заметили Настино отсутствие пара поклонников-толстяков из группы Козыревой – они вместе болели за Настю и видели её сход с дистанции. Уже-не худенький-мальчик очень долго ещё переживал за Настю, всегда приветливо здоровался с ней в школе, но Настя презрительно отворачивалась. Мальчик думал: «Ну да. Ведёт себя как Мисс-Галактика. И такая она сильная. Так могла бы плавать. Она бы могла стать великой чемпионкой, такой талант загубила!»

Так бесславно закончились занятия Филимоновой в бассейне. И ещё очень долго, несколько лет, Настя не ходила тем маршрутом, теми светофорами и теми дорогами, которыми когда-то добиралась до бассейна – обходила бассейн стороной.

Сейчас Настя стала совсем взрослая: выросла, ещё больше похорошела. Она ходит по улице, где живёт, в короткой расклешённой юбочке оранжевого цвета-вырви-глаз – самого модного в этом сезоне цвета, ноги длинные стройные, густые волосы в такт шагам скользят по спине; ходит Настя всегда с подружкой, и всегда навстречу ей попадают знакомые мальчики. А если попадается незнакомый, то он тут же с Филимоновой знакомится, потому что Филимонова просто ужас как хороша.

Порхают ли бабочки в воде

Полина – чемпионка в виде баттерфляй. Её бесят слабые ровесники. Повзрослев, Полина понимает, что ей очень хочется побыть иногда обыкновенной и слабой.

Полина ненавидела дур. Полина упорно не понимала: почему дур так много, а нормальных девчонок так мало. Приходилось дур учить, чтобы умнели. Дуры быстро выдыхались на тренировках, плавали кое-как, мешали на дорожке. Ещё дуры разговаривали о дурацких вещах: о куклах, о мультиках, об оценках и о том, какая у них училка крикливая. Пока ждали тренера, чтобы идти на ОФП, Полина времени на пустую болтовню не тратила, она тренировалась на ступенях в фойе, скакала по ним, пока ноги не становились как гири. Полину все родители уважали: такая девочка целеустремлённая! Но родители не знали, как эта целеустремлённая девочка мучает сокурсниц вопросами:

– А почему ты такая толстая? А почему ты третий взрослый никак не выполнишь? А почему твоя бабушка тебе чай в термосе приносит и ещё твой рюкзак тащит? А почему ты так медленно сегодня на спине плываешь? Ты чё не поняла: ты лишняя на этой дорожке?! Вали на соседнюю!

Чтобы девочки не жаловались на неё и ещё больше боялись, Полина прятала у дур вещи. Откроет шкафчик в раздевалке, достанет из сумки девочки мобильник, и – перепрячет в куртку этой же девочки в гардеробе, и врёт, что ничего не знает, понятия не имеет, где мобильник. И купальники у девочек пропадали, и шапочки, и очки. А потом находились – в коробке с забытыми вещами выставленном в фойе. Ловкость рук и никакого мошенничества – ни разу Полина не была поймана за «невинным развлечением».

Дур надо учить! Особенно новеньких. А то появилась тут новенькая одна – Князева. На год младше, а всё лезет на дорожку к старшим, ручонками своими машет на кроле, мешает всем на спине. Полина раз притормозила, дождалась, когда та на брасе её догнала, и – раз! —ногами этой дуре в лицо, только на брасе так сильно можно садануть. У Князевой кровь из носа хлещет, она еле на бортик вылезла, носик свой прикрывает. Ой-ой. Её медсестра под ручку – и в медпункт. Уф! Хоть спокойно полчаса поплавать без придурков. И в раздевалке Полина как-то Князеву до слёз довела, всё над купальником линиялым глумилась. Дешёвый купальник растягивается от хлорки, увы.

– Ты пляж с бассейном перепутала? Да он у тебя светится уже, все пацаны на тебя пялятся.

Но Князева упёртая до ужаса: поплачет, поплачет, купальник свой позорный натянет и снова на тренировке ручонками нетехнично машет. Слава богу, что гребёт на соседней дорожке, хорошо, что всё-таки вытурить эту Князеву с «сильной» дорожки удалось.

На первенстве города команда младших девочек заняла третье место. Князева плывала третий этап. Полина усмехалась: что там третье место. Она-то, Полина – чемпионка города, и не в какой-нибудь команде, а чистая чемпионка на «сто-баттерфляй». Баттерфляй – значит бабочка. Полину так одна журналистка и спросила, когда интервью брала:

–Порхают ли бабочки в воде?

– А как же! – снисходительно улыбнулась Полина. – Если не порхать, то дисканут, то есть дисквалифицируют, за неправильное прохождение дистанции».

Статья о Полине появилась в бесплатной газете, Полину теперь знал весь район, а, может, и весь город. У Князевой никто интервью никогда не возьмёт.

Но время шло. Старые подружки все к Князевой переметнулись. А Полине захотелось с кем-то делиться, обсуждать разных там дур и старых подружек в том числе. И у Полины появилась в бассейне новая подружка. Саша Емельянова, на три года старше Полины, тоже чемпионка. Как-то Саша сказала Полине:

– Тебе, Полин, конечно, короткая стрижка идёт, но лучше бы волосы отрастить.

Полина про себя возмутилась, но потом решила попробовать. Все девчонки с длинными волосами, она одна как мальчик. Её в фойе за мальчика часто принимали разные там слепые жирные бабки со стёклами-лупами вместо глаз и придурочные мамки-няньки.

А как Полину бесили родители на соревнованиях! Полина никуда не могла от них скрыться, они останавливали Полину, выпрашивали расписание, уточняли, когда какой заплыв (хотя стартовые протоколы вот они, висят на стене), консультировались по технике, заискивающе улыбались, дарили конфетки. Самое удивительное, что родители дур, которых Полина по-прежнему держала в чёрном теле и не спускала им ни одного промаха, ни одного разговора о модных певцах и модной одежде, эти родители тоже с Полиной всегда здоровались. Ведь Полина стала уже чемпионкой города на «двести-баттерфляй». Но на этот раз интервью у неё не взяли. Да и журналистки той не было, а были всё камеры и лампы. Интервью брали только у самой маленькой девочки из чужой спортшколы. Девочка была, как и Полина, перворазрядница. «Наверное, когда мелкие быстро плавают, это круто считается», – размышляла Полина как-то отрывками, бессвязно. Она очень устала после дистанции, доплывала на морально-волевых, делая гребок руками через раз. Она плыла и повторяла про себя считалку: «Порхают ли бабочки в воде, порхают ли бабочки в воде»... Это помогло ей на финише выиграть касание.⁹

На следующей неделе все поздравляли Полину. Её финиш вошёл в репортаж по телеку. Все свои, из бассейна узнали её, но простой обыкновенный зритель, одноклассники и учителя – конечно же нет. Интервью крупным планом было, увы, с мелкой кролистой. Кролистом быть проще, чем дельфинистом, кролистов повсюду навалом. И Полина убедила себя: ей наплевать на чужое интервью и на восхищения её финишем тоже наплевать. Она не теряла ни секунды, тренировалась, тренировалась...

Дуры множились почкованием. Ксюша, когда-то была сильная спинистка, но променяла волю к победе на общение с мальчиками. Ксюша дура ещё та: как соревнования, она с пацанами на лавке сидит, шевелюрой кудрявой трясёт – типа волосы чтобы подсохли, нет, натуральная овца, хотя волосы шикарные конечно. Ксюша ещё сбивает с толку других нормальных девчонок, например, Виолетту. Весь год они шушукались на лавке, Ксюша делилась секретами обольщения пацанов. Обе были влюблены в Илью. Илья – трепло редкостное, он уже бросил Ксюшу в прошлом году. Теперь была очередь Виолетты. Перед тренировкой Илья подходил к Виолетте как бы невзначай с вопросами, рассказывал всем, что Виолетта «остригла по плечи волосы» – ну, чтобы все поняли, что Виолетта – его, чтоб другие пацаны к Виолетте с вопросами не подходили. Волосы – это, действительно, была новость. Волосы-то у Виолетты были тяжёлые, длинные-длинные, другие девчонки о таких могли только мечтать, но Виолетта сказала, что у неё волосы долго сохнут, а отрастают быстро. Без хвоста, с чёрными волосами по плечи, Виолетта сразу изменилась, повзрослела и начисто забыла о тренировках.

Однажды Полина вышла в фойе и увидела, как Виолетта сидит рядом с Ильёй. А Илья только что хвост павлином не распушил – развлекает, болтает без остановки, умного из себя корчит. Полина сказала:

– Виолет! Тренька же начинается. Ты сегодня с нами.

А Виолетта:

⁹ Выиграть касание – на финише важно дотянуться до стенки, а не делать дополнительный гребок – если двоеплывут вровень, выигрывает тот, кто не делает лишний гребок

– Что?

Полина хорошо к Виолетте относилась, а переспросить Виолетта могла из-за ушей: уши у многих пловцов болят, слух снижается. Да и этот Илья сидит трещит без остановки, строит из себя. Полина повторила: надо идти на тренировку к ним, а не ждать своего тренера, их тренер сегодня не придёт, он на соревнованиях. А Виолетта вдруг на бурёнку стала похожа, смотрит на Полину пустыми огромными бездонными глазами-блюдами и не шевелится, и не слышит. Слушает, но не слышит! Влюбилась!!!

Полина бы могла рассказать Виолетте, как она после силовой тренировки в тренажёрке лежала и отдыхала на мате, а в соседний зал зашли Илья, Тимофей и ещё кто-то. И Тимофей хвалиться стал, что у него уже двадцать девушек было, и он «больше пяти косарей на них не потратил». А Илья стал отвечать спокойно, типа порядочного из себя строить: типа, он себе «больше пяти девушек в месяц не позволяет». Во debil! Конечно, это понты, Илья длинный, долговязый, слабак со вторым взрослым, не техничный, хоть и в сборной бассейна на спринте. У него никаких девушек и нет. И порет он без остановки такую ересь, ерунду и чушь... Как можно вообще в такого идиота влюбиться. Ужас! Бедная Виолетта!

В бассейне Полина подошла к Ксюше и сказала:

– Дура сама и Виолетту подставляешь.

Ксюша была самая наглая в бассейне. Она сняла шапочку – светло-русые кудряшки запрыгали в разные стороны, тряхнула волосами и ответила Полине, играя непонимание и возмущение:

– Я тут не при делах.

– Да ладно. Виолетта сейчас с Ильёй загуляет, а ты третье место на финальных соревнованиях¹⁰ займёшь.

– Это личное дело Виолетты, – мило, натянуто улыбнулась Ксюша.

– Но ты же знаешь, что Илья – debil. Предупредила бы.

– Я предупреждала! А она... не слушает, – видно было, что Ксюша и правда предупреждала и расписывала, какой Илья плохой.

– Если бы ты с ней меньше на эти темы трепалась, она бы не стала с Ильёй.

Ксюша возмущённо затрясла кудрями, стала натягивать шапочку:

– А на какие темы трепаться? Всех грязью поливать, как ты? Что все дуры, а ты, наша великая Полина, одна умная?

– Ну ты, – процедила Полина, – овца курдючная. Всем глазки строишь. И тренерам, и пацанам. Тебя все в бассейне ненавидят.

– Это тебя ненавидят!

Полина прекратила бесполезный разговор. Этой весной дуры стали размножаться уже не почкованием, а делением как одноклеточные.

Как Полина предвидела, так и получилось. Виолетта, которая все годы пахала, стала при каждом удобном случае прогуливать тренировки. Придёт в бассейн, дожждётся Илью, и – пошли гулять. Променять треньки на шатания по улице и кино! Ну не идиотка?! Илья-то сачок известный. Он – слабак конченный, и в спринте скоро проигрывать начнёт, он на росте вылезает, а на длинных дистанциях¹¹ вообще тренера подводил, просто не приходил на соревнования. Бойтся стайерских дистанций. Разве это пацан?! У пацана должно быть длинное дыхание, он терпеть должен уметь. Вот она же, Полина, терпит.

На финишных, в конце мая, соревнованиях Виолетта впервые проиграла Ксюше. Какой там первый взрослый! Виолетта о нём и думать забыла. Хорошо хоть Ксюша две десятых третьему месту уступила. Полина, пока Ксюша «двести-комплекс» плыла, сидела скрестив пальцы

¹⁰ Соревы (сленг.) – соревнования

¹¹ Диста (сленг.) – дистанция

и молилась: «Проиграй! Проиграй!». Полина и сама только что плыла в первом сильнейшем заплыве, она ещё и не отдышалась, но не сводила глаз с четвёртой Ксюшиной дорожки.

В самом начале июня, когда ещё не начались лагеря, а школа уже закончилась, как-то после тренировки, Саша Емельянова сказала:

- Нас мальчишки проводить обещали.
- Я тогда домой одна. Пока.
- Что ты, Полин, всё тренируешься, ты остановись, поговори с пацанами.

И Полина вместо того, чтобы быстро попрощаться с подругой на остановке (им было в разные стороны на автобусе), послать подругу куда подальше, вдруг пошла провожаться. Ей было приятно, что она идёт с мальчиками, и может общаться с пацанами больше, чем «привет-пока». Ксюша за этими парнями бежит, а они Полину провожают – Ксюша, когда узнает, придёт в бешенство. Что только Полина на следующий день не услышала от Ксюши в свой адрес! Но Полина в долгу не осталась.

– Это тебе за Виолетту, – сказала Полина Ксюше и подумала: «Уж скорей бы этот debil Илья Виолетту бросил. Господи! Как вообще можно с таким общаться! У него техника на грани фола!»

Через год, весной, на городских соревнованиях Полина впервые не улучшила результаты. И это её поразило. Сразу после заплыва она поехала в свой бассейн – тренироваться. Но результаты не улучшились и на следующих соревнованиях. А у Князевой – улучшились.

Саша Емельянова говорила:

- Расслабься. Теперь так и будет, привыкай. Встали результаты, я по себе знаю.
- И надолго?
- Надолго, – у Саши в глазах – слёзы: – Может, и навсегда.

Но оказалось, что как раз у Саши-то результаты «не встали» навсегда. На внутренних соревнованиях спортшколы она установила рекорд бассейна в плавании на спине. Рекорд бассейна – это очень непросто, все рекорды принадлежат в их бассейне мастерам спорта. Саша не могла уже плыть быстро, как раньше длинные дистанции, а спринт вдруг стал получаться лучше. На «пятьдесят-спина» Саша стала рекордсменкой.

– Это силы, силы стало больше, – объясняла Саша. – Ну и техника, куда ж без техники.

А что: у Полины плохая техника? Или у Полины мало сил? Да отличная просто техника! И сил много. И до кандидата в мастера ей на «сто-кроль» совсем чуть-чуть не хватает. Кроль тоже её вид. Бат – основной, а кроль – дополнительный. Только, вот, дура Князева уже стала кандидатом в мастера, она же кролистка чистая, а спина – дополнительный у неё. Она вымахала, она выше Полины. Она – красотка. Но и Полина красотка, а рост... что теперь делать, рост нормальный, но для плавания хотелось бы повыше, конечно же... Князева с Полиной на соревнованиях бассейна (самых примитивных, внутренних, где одни медляки и дураки) плыли в первом сильнейшем заплыве. Как Полина настраивалась на эти сто-кроль. Саша проплыла «спину» с рекордом бассейна. Значит, и у Полины должно всё сложиться. Ей не нужен рекорд, ей бы время кандидата. Ну и Князеву сделать. Князеву-то она должна сделать по-любасу. Князева дура, как была, так и осталась, надо это доказать. Князева и младше Полины на целый год. Опыта у неё меньше. Совсем чуть-чуть и Полина тоже станет кандидатом в мастера, совсем чуть-чуть! Напрячься, собраться, сильнее оттолкнуться от тумбочки, от бортика на повороте, и вот они – сэкономленные десятки, и вот оно – звание кандидата в мастера...

Час «икс». Они плыли по крайним дорожкам: Князева по первой, Полина – по пятой. И (как потом говорили девочки), Князева выгрызла на последних трёх метрах себе третье место. А Полина – о, позор! – на внутренних соревнованиях осталась без призового места и, снова, без звания кандидата в мастера. Полина проиграла Князевой. Такого позора в жизни Полины ещё не было.

Полина шла вдоль ванны бассейна, мимо девочек, которые смотрят у бортика за поворотами. Она сказала им:

– Всё! Я бросаю. – в сердцах сказала, не по серьёзке...

– Что? Ну-ка иди-ка сюда? – крикнула Полине Ксюша. Недавно она сломала палец на тренировке – ударилась о бортик, и левая рука у неё была с лангеткой, перебинтована. Полина ещё радовалась, что Ксюша палец сломала. Ксюша же – дура. А тут Полина, услышав, что её позвали, развернулась резко (она всё делала резко), рванула к этой противной Ксюше. Хотя кто-то её пожалел, принял в ней участие. Они обнялись – в бассейне модны «обнимашки». Все девочки обнимаются: когда встречаются, когда прощаются и когда успокаивают друг друга после дисквалификаций и неудачных выступлений. Полина подумала: хорошая Ксюша, одна из всех девчонок её пожалела. Полина рыдала, а Ксюша её успокаивала, гладила по спине гипсовой рукой. На глазах у всех. Хотя... все на лавках, в начале бассейна, ближе к старту, а они – в конце бассейна. Всё-таки большинство не увидит. Да ей плевать: увидят – не увидят. Столько пахать, и проиграть дуре Князевой. Может, виноваты майские праздники? Бассейн первого и девятого мая был закрыт. Может, в этом дело?

Когда объявили заплывы баттерфляя, Полина не вышла на свою коронную дистанцию. Время кандидата в мастера ей на «двести-баттерфляй» не словить. А плыть просто так для первого места, для грамотки, которую вручат ещё и без медали¹² – зачем вообще? Да и не в медали дело. Настроя нет! Настроения! Полина полчаса стояла под душем, полчаса копалась в раздевалке. Наконец, успокоилась, переделалась в красивую толстовку с акварельным леопардом на груди, вышла на бортик, как ни в чём не бывало пошла к своим на лавку. Но её перехватил тренер, он же – директор спортшколы. И отчитал как какую-то слабачку из-за того, что она пропустила свою дистанцию. Она поругалась с тренером, высказала ему всё, что она о нём и всех тренерах думает, и о том, что во всём виноваты праздничные майские дни и отсутствие в этот день тренировок.

– Вам бы лишь бы поотдыхать, а на нас наплевать!

– Всё, Поля. Забыли. – примирительно сказал тренер. – Завтра у тебя сто-бат и двести-комплекс. Начинаем думать о завтрашнем дне.

– Я не буду выступать, – заявила тренеру Полина, повернулась, пошла, рыдая, не закрывая лицо руками, мимо лавок, мимо всех спортсменов, ожидающих свои дисты. Она шла к концу бассейна, к Ксюше, но её не было. За прохождением поворота смотрел молодой новый тренер, очень внимательно смотрел... А на плачущую Полину (плачущую!) не обратил никакого внимания.

Ксюша сидела в буфете с Сашей. Саша светилась от счастья: всё-таки, рекорд бассейна. Ксюша сказала:

– Полин! Иди к нам!

– Да, Полин. Ну, что ты расстроилась? – сказала и Саша.

Полина присела к девочкам за столик. Всего на минуту, на секундочку...

– А я, Полин, двоих на брасе дисканула! – похвалилась Ксюша.

– Да ты что! – наигранно удивилась Полина.

И они втроём рассмеялись. Но на душе у Полины было тяжело и уныло.

На следующий день она раньше ушла с уроков, со всеми пришла в бассейн, к началу разминки, но уже в фойе заявила девчонкам:

– Я не знаю, зачем меня тренер заявил. Я его предупредила: плавать сегодня не буду.

Она отплавала разминку, переделалась и пошла в зал. Как ни в чём ни бывало, выходила и в бассейн, посмотреть на заплывы знакомых, поболеть.

¹² Если в возрастной соревновательной группе меньше четырёх человек, то медаль не вручается, только грамота.

Тренер не замечал её. Ну и пусть! Он что думает: она на «двести-комплекс» рядом с Князевой на дорожке встанет? Он что думает: она это может допустить, что Князева её опять «съест». Нет уж! Этому не бывать! В родном бассейне у Полины только высшая ступень!

Ксюша опять судила у бортика. Бинты повязки были «расписаны» татушками. Смотрелось супер.

– Нравится? Это я ручкой. На уроках творчеством занималась, – улыбалась Ксюша и трясла своими непослушными кудрями. Они обнялись с Полиной как лучшие подруги. Полина решила посмотреть «свой» заплыв. Крайняя первая дорожка, её дорожка, пустовала. Саша – по центру. Саша – сильнейшая. Ну, она и старше, она скоро в юниорах будет. У неё в спортшколе – последний сезон. Саша установила ещё один новый рекорд бассейна, и как раз на двести-комплекс – вот этого никто не ожидал. Ай да Саша! Полина не порадовалась за подругу. А все радовались, аплодировали. Полина тоже хлопала, но больше по привычке: в бассейне часто хлопают. Она попрощалась с Ксюшей и пошла в зал: тренироваться, тренироваться.

Ночью она не спала. То, что она подводит тренера: так ему и надо, пусть тренирует лучше. Полина размышляла: что делать дальше, как быть?

Получается, что она делает хуже только себе саботажом и невыходом на дистанции. Было время, её фото висело на доске поздравлений в фойе. Тогда она была чемпионкой города. А теперь? Теперь бассейн вполне без неё обойдётся. Таких, как она, в бассейне несколько человек. В том числе Князева. Так Князева и моложе, и кандидат в мастера. Расстроятся, конечно же, если она перестанет ходить. Пообсуждают и успокоятся. А что ей-то делать без бассейна? Идти в другую спортшколу, к чужим тренерам и чужим дурам и дуракам? Бросить всех, кого знает уже лет восемь? Жалко. Тут она привыкла, тут её знают и уважают, а как сложится в другом бассейне ещё неизвестно.

И Полина вышла в третий день соревнований на старт. Стартовала на пятьдесят-баттерфляй. Полина – по второй дорожке, а Князева – по пятой. Полина собралась. На спринте надо собраться, счёт идёт на десятые, а иногда на сотые доли секунды. Одна ошибка – и всё. Полина финишировала первая. У неё опыт в баттерфляе какой. Сделала Князеву на пять десятых. На награждения вышла с видом победительницы. Она – первая, Князева – третья, фу. Князева не дождался, что Полина уйдёт из бассейна. Не дождался. Полина извинилась перед тренером. А Саша и в третий день стала рекордсменкой бассейна. Ай да, Саша! И всё, вроде бы, пошло как раньше. Но Полина сникла. В летний лагерь она не поехала. Да ну... Только расстраиваться. За лето соскучилась по бассейну просто дико. Еле пережила эти три летних месяца на курортах с родителями. Просто пытка какая-то! Даже читать книжки с горя начала. Оказалось, что есть интересные, и все или про сильных героев или про изгоев...

Осенью Саша стала плавать ещё лучше, у неё открылось «второе дыхание», что редко бывает у девушек в плавании. Саша отдалялась всё больше, ездила на юниорские соревнования, а Полина-то ещё была на детских. Полина теперь оставалась после тренировки одна. Пацаны никогда её не ждали. И она, поникшая и грустная, даже какая-то зашуганная, как раньше её жертвы, шла домой в одиночестве. Получалось, что пацаны провожали весь прошлый год не её, а Сашу! Полина подружилась с Ксюшей, но Ксюша пропускала тренировки, и общалась она со всеми, а не только с Полиной. У Ксюши появился постоянный парень, из школы, не из бассейна.

Полина стала пристально смотреть на себя дома в зеркало. Красивая, с большими глазами, смуглая, волосы собраны в хвостик. Она была худая, стройная, нет мощных как у других девчонок, плеч. Правда, у Саши тоже широких плеч не было. И у Князевой тоже. Широкие плечи, как правило, у невысоких. Полина и одевается лучше всех – родители покупали ей самые дорогие купальники, очки и шапочки. А когда Полина в бригаде судейства, её костюм

самый белоснежный¹³, и брюки модные, красиво фалдят, а не такие как у других – белые леггинсы. Но почему она одна? Неужели потому, что раньше издевалась над некоторыми девчонками?! Но это было давно. Никто уже и не помнит. Правда, Князева с ней не разговаривает до сих пор. Может, это Князева всех подговаривает, и пацанов тоже? И Полина на судействе начала первая заговаривать с некоторыми девочками, ну понемножку общаться. Саша тренировалась в другом бассейне, но иногда появлялась и в их бассейне на тренировках. Полина всегда с нетерпением ждала Сашу – с Сашей ей было просто и спокойно, тренировочные дни с Сашей стали самыми лучшими днями в году.

Полина штурмовала время кандидата в мастера, и звание ей присвоили. Но после этого мало что поменялось. На городских соревнованиях Полина плелась в конце первой десятки. Только баттерфляй по-прежнему был её визитной карточкой – правда, без оглушительных побед. В родном бассейне, на внутренних соревнованиях, на награждения, она если и выходила, то с неохотой, не позировала для фотоотчёта, побыстрее спрыгивала с пьедестала: зачем эти церемонии, ей всё равно никто не хлопает. А вот Саше – хлопали всегда. И Князевой рукоплещут. Князева добрая, улыбочивая. Она уже мастер спорта! И почему ей раньше казалось, что Князева дура?

– Она не дура, просто у Князевой характер такой, открытый, – говорила Ксюша. – А тебя, Полин, до сих пор многие боятся.

Да. В бассейне были девочки, что называется «на позитиве». Они всегда ходили довольные, любили поболтать, пообщаться. Если плохо проплывали на соревнованиях, сильно не расстраивались. Полина заметила: все девочки в бассейне после заплыва делятся на рыдающих, просто хмурых и довольных несмотря ни на что. За этими «всегда довольными» Полина теперь внимательно следила. Она заметила, что многие старожилы, вроде неё, просто радовались соревнованиям в бассейне два раза в год, у всех было праздничное приподнятое настроение. Ну, и у всех, и у спортсменов, и у зрителей-родителей, был азарт болельщика. Все следили друг за другом много лет, все знали возможности друг друга, от этого смотреть соревнования, пусть и не самые быстрые, становилось в сто раз интереснее, чем Олимпиаду. Папы жали друг другу руки, интересовались:

– Ну как?

– Нормально. Всё по плану.

Папы никогда не показывали, что что-то пошло не по плану, даже, если план был обрушен. По виду пап нельзя было сказать, расстроены они или нет.

Мамы щебетали, не переставая: сплетничали, обсуждали поведение других мам и противных «звезданутых» чемпионки-девочки, советовались, где подешевле купить гидрокупальники, и, привычно, не переставая болтать, следили по секундомеру за своими детьми, считывая время по отрезкам, качали расстроено головами: дети, как правило, не укладывались в график мам. Если мамы ругались на детей, то сильно, с криками. Мамы по жизни ругаются больше, чем папы...

Полина заметила: тренироваться становилось всё скучнее. Всё как-то надоело. Скорее всего, она достигла своего предела в плавании, ждать результатов больше не стоило. Она ходила в бассейн по инерции, по привычке, тренировалась заученно, как робот, без всякого энтузиазма. Полина стала пропускать соревнования в родном бассейне: зачем они ей нужны? И её ставили контролировать прохождение поворотов. Тренер, он же директор спортшколы, заметив, что Полине нравится судейство, всячески поддерживал её, консультировал, хвалил, ставил в пример остальной старшей группе – все обычно от судейства отлынивали. Пять часов у бортика простоять, да даже два, и не просто простоять, внимательно следить! И докладывать глав-

¹³ Судьи в бассейне традиционно в белой одежде

ному судье! Показывать условными знаками ошибки или бежать к судейскому столу... Нет! Это и тяжело, и неприятно – родители разбираться лезут: почему это их чадо дисканули.

Однажды на соревнованиях, когда Полина следила, чтобы младшаки правильно делали повороты, пришлось дисквалифицировать одного мальчишку. Между заплывами к ней подошёл этот самый младшак, зарёванный, с распухшими глазами и взъёрошенным ёжиком жёстких волос... Какое-то смутное чувство возникло у Полины, когда она увидела этого мальчику, какое-то дежавю, ей казалось, что когда-то давно она уже видела и его лицо, и его распухшие от слёз глаза... С мальчишкой подошёл к Полине красивый парень с дорогой камерой:

– Почему вы дисквалифицировали? Всё же было нормально. Я всё заснял.

Полина хотела надменно ответить, что если «нормально», то никто не дисканёт, но грустное лицо мальчишки тронуло её, у неё самой ни с того ни с сего комок подкатил к горлу, она сказала ему ласково:

– Ты на повороте коснулся одной рукой, а на бросе надо двумя руками касаться – вот так, – она выставила ладони перед собой, показала как.

– Я двумя коснулся, – запротестовал маленький пловец.

Стали смотреть видео. Камера в руках у большого парня дрожала, так он волновался.

– Остановите! – сказала Полина. – Видите? Одной рукой коснулся, а второй просто проехал, а надо всю ладонь положить. Вот так! – Полина опять выставила перед собой ладони. – Поворот должен быть чёткий. Нет! Я бы могла не говорить, но нас тоже ругают, если мы ошибки пропускаем, за нами тоже тренеры следят. Маленьким надо набирать опыт, нельзя жалеть их за ошибки.

– Ну вот. Понял ошибку? – заулыбался парень, поняв, что ошибка всё-таки была и дисквалификация правильная. – Вы извините, что мы вас отвлекаем от судейства.

Тут как раз пловцы нового заплыва доплыли до поворота и окатили всех троих водой.

– Ой! – сказала Полина. – Подальше надо встать. Слабые заплывы на «комплексе» начались. Сейчас вы мокрые до нитки будете, и камера ваша накроется. Парень улыбнулся ей:

– Вы – удивительная. – и зачем-то добавил: – Я тут с братом сегодня.

Она стояла, следила за поворотами и думала: какой хороший этот парень, улыбчивый, и мелкий этот, его брат, прикольный, расстраивается так, она тоже в мелком возрасте так расстраивалась... Ух, как она ненавидела на соревнованиях тех, кто у неё выигрывал. А как её бесили те, кто плыли слабо, а те, кто рыдали, уткнувшись в мамыны животы, её просто выбешивали. А тех, кто стоял на поворотах и следил за техникой, она готова была убить, она считала их стукачами. Да. Много всего было в детстве, классно было, весело. А сейчас – грустно. На полу, под ногами плескалось целое море, плыли ручьи: чем слабее были заплывы, тем больше было брызг – такое «наводнение» бывает только на баттерфляе. Она стояла в прилипших к телу белых штанах, а майка к телу не прилипла, она и без этого была в обтяжку, и в сухом виде прилипшая...

Когда после соревнований Полина переделась в сухое и вышла из бассейна, фойе было пусто: соревнующиеся разошлись, а те, кого должны были наградить, ждали церемонии. Под лавкой стояли ряды обуви, она наклонилась, стала искать свои кроссовки...

– Вы что-то потеряли?

Парень, брат того мелкого, которого она дисканула, стоял и улыбался. Камеры у него в руках не было, а был только маленький пакет

– Я уже всё нашла, – сердце Полины ёкнуло, заколотилось как на финише.

– Брат шлёпки забыл, я и вернулся.

– Аааа... – разочарованно сказала Полина. – А я-то думала... – она решила схохмить. Она вообще по натуре была очень язвительная, любила колкости и приколы. – Я думала, ты меня проводить до дома хочешь.

– Хочу, – вдруг сказал парень.

Она уже застёгивала парку и удивлённо смотрела на него. Она испугалась. Так давно этого ждала, а теперь боялась.

– Там как, в смысле на улице?

– Что на улице?

– Ну, вроде, солнце, а не греет.

– Норм. Не ветрено. – профессионально, как пловец, ответил парень. – Правда, я пока мелкого домой вёл, подстыл. Эти дельфинисты всех обмокрили.

– Обмокрили, – она рассмеялась. – Бабочки порхают в воде – брызги летят.

В фойе вышла Князева, скромно запихивая грамоту и медаль в рюкзак

– Ну всё. Пошли. – Полина схватила улыбчивого парня под руку и торжествующе вышла из фойе на улицу.

Она шла под руку с парнем, и ей, наконец, впервые за последний год, не было одиноко.

– А ты знаешь, – сказал он вдруг. – Я ведь из-за тебя плавание бросил.

– Почему?

– Ты меня травила, на дорожке толкала, на соревнованиях обзывала.

– Я?

– Ну да. Ты. Не помнишь? Это давно было.

– Нет. Я тебя не могла... – Полина осеклась, покраснела.

– Ну я был такой плотный, даже толстый.

Полина мучительно вспоминала: когда она наезжала на плотного, почти толстого. Их было много этих толстяков. Обиженных ею в лагерях она помнила всех, а вот в бассейне. Их было так много, кому она говорила что-то обидное... Нет, каждого конкретно вспомнить нереально.

– Ты мне говорила: «Ты меня бесишь!»

– Ну, – усмехнулась Полина (она уже успела натянуть на лицо маску надменности, превосходства и пренебрежения). – Это самое безобидное, что я могла тебе сказать. Это ерунда.

Парень молчал, Полина украдкой посмотрела на него, скосила глаза. Она прекрасно теперь понимала, что «ерунда» для неё могло стать трагедией для него, но она никогда бы не смогла вслух признаться в этом.

– А я газету тогда давно с твоей фоткой отсканировал, – вздохнул парень. – Твой портрет у меня на ноуте, вместо обоев. Помню, мне понравилось название «Порхают ли бабочки в воде». Ты смотришь на меня с ноутбука такая смиренная...

– Я тогда сильно устала, – Полина чувствовала, что теперь не просто краснеет, а покрывается нервными пятнами.

– Я тогда очень переживал, что из бассейна ушёл, а увидел твою фотку в газете и сначала хотел газету разорвать и выбросить, а потом решил оставить. Я подумал: ты можешь быть противной и грубой, но не можешь быть подлой. И перестал на тебя обижаться. Тем более, что я по-любому ушёл бы. Я на пятиборье теперь. Я там и стреляю и бегаю. И плавание у нас – всего-то двести-кроль.

– Всего-то двести?

– Ну. Это ж пятиборье.

Она вынула руку из-под его локтя, остановилась. «Если он уйдёт, то и пусть уходит» – Полина чувствовала, что ей горько и больно, безумно стыдно перед этим парнем. Но он остановился спокойно:

– Ты что?

Тогда она подняла на него свои большие карие глаза и сказала тихо и серьёзно:

– Ты прости меня. Я дура была тогда.

А он сказал ей:

– Только не пойму. Зачем у тебя волосы длинные? Я ещё в бассейне смотрю: ты – не ты, что-то знакомое, а что – не пойму, другое лицо какое-то.

Она пожала плечами:

– Решила сменить причёску.

А он сказал:

– Ну... Это твоё дело.

Они дошли до её дома. Договорились, что она придёт к нему в конце мая на соревнования. Он предупредил, что соревнования долгие. Сначала фехтование, потом бег, дальше плавание, потом стрельба. Она сказала, что нормально, пропустит школу и тренику, ничего страшного.

На следующий день она пошла в парикмахерскую, подстриглась и с нетерпением стала ждать встречи.

Стопа, стрельба и колобашка

Савелий Мальцев уходит из плавания после многочисленных проигрышей. Он начинает тренироваться в секции современного пятиборья. С плаванием на пятиборье у Савелия проблем нет, а с бегом и стрельбой – есть. Так случается, что он приглашает на соревнования девушку (Полину из предыдущего рассказа), которая, когда он ещё занимался плаванием, издевалась над ним. Савелий нервничает, но вдруг, на удивление, стрельба проходит очень метко...

Савелий нервничал. Да что там нервничал – психовал! Какой он дурак! Какой он идиот! Завтра первенство Москвы по четырёхборью. А он, вместо того, чтобы успокоиться, собраться, просиживает часами в соцсети. И с кем там «болтает»? С Полиной! С девочкой, которая целых четыре года обзывала и унижала его. Да что там унижала – травила! Это было давно, но он ничего не забыл. Как он мог пригласить её к себе на соревнования?! Захотелось покрасоваться, показать себя сильным. Может, он влюбился?! Нет! Нет, и ещё раз нет! Совсем не влюбился, но как-то всё получилось так... само собой. Полина дисканула его младшего брата на соревнованиях, он пошёл разбираться с контролёром. Контролёром оказалась его давняя обидчица. И она его поразила. От былой наглости не осталось и следа, и как она доброжелательно с братом его поговорила, как просто объяснила ошибку. В книжках пишут и в фильмах говорят, что от женщин исходят волны, что женщины – чаровницы, и это сушая правда. Под чарами Полины его младший братеньник, зануда ещё тот, любитель дня по три мусолить, пережёвывать, перетирать любой случай, вдруг перестал расстраиваться, забыл об этих злосчастных «двести-комплекс». С братом шли домой окрылённые оба. Это не смотря на дисквалификацию. Братеньник сказал:

– Её фото у тебя на компе, да?

Савелий ответил:

– Не знаю. Это просто совпадение.

Дома обнаружилось, что брат забыл шлёпки: переобулся, а шлёпки забыл в рюкзак пихнуть.

– Я – обратно! – Савелий сообщил об этом радостно, даже празднично и побыстрее смылся из квартиры: надо ж шлёпки забрать, сейчас шлёпки тысячу рублей стоят, а то и полторы.

Он воспринял оставленные шлёпки как знак судьбы. Он летел обратно в бассейн, буквально парил на крыльях непонятного чувства: не любви, нет, и не влюблённости, а чувства какого-то необыкновенного счастья, лёгкости, свободы... Однажды на пятиборье, в тире, он отстрелял все девятки. Было такое же счастье, жаль, что это случилось всего раз, такая необыкновенная для него меткость. Полина как раз переобувалась в фойе, собиралась уходить. Он нашёл шлёпки брата, их уже затолкали под лавку. Он заговорил с ней, они вышли вместе из бассейна, они шли вместе. Полина казалась ему такой родной и такой красивой! Как всё поменялось за четыре года, как изменилась Полина. И он, дурак, взял и пригласил её на свои соревнования.

А чем он может похвастаться? Да ничем. Или почти ничем. Он пришёл на пятиборье, его сразу приняли. В группе был недобор. И плавать его учить не надо. Он плавал быстрее всех. Да и что там плыть-то? Сто или двести кроль – это разве дистанция? А вот с бегом оказались проблемы. Надо было бежать километр. Это было очень тяжело. Тренер Максим Владимирович всё кричал ему, всё объяснял:

– Надо на стопе держаться, а не шлёпать пяткой как в калошах, ты понял, Савелий?

Понять-то Савелий понял. А толку? Пока следил за техникой, бежал на стопе, как только уставал на дистанции, опускался на пятку, переходил на удобную технику – скорость сразу падала...

Тир все любили. И Савелию нравилось стрелять. Ружья в тире были старые, неудобные, косые. Он мазал. Родители купили ему собственное ружьё – он всё равно мазал. Максим Владимирович советовал тренировать руки, ну и настрою учил:

– Надо сосредоточиться, представь, что у тебя дуэль с обидчиком. Очень помогает.

Савелий представлял Полину, но её «расстреливать» почему-то совсем не выходило, были выстрелы и в молоко. Тогда он стал представлять школьных обидчиков. Пошли семёрки – это не плохо, но и не хорошо. Когда Савелий вырос, родители купили пневмопистолет, дорогой немецкий, но меткости это не сильно прибавило. Савелий проигрывал стрельбу очень многим. Плавание спасало Савелия от низких мест. За плавание ему начисляли много очков. За счёт плавания Савелий не опускался ниже десятого места¹⁴. А когда в юниорах началось фехтование, Савелий полюбил пятиборье безумно. Фехтовал он хорошо. С детства у него была хорошая реакция, это гены, это в отца. Савелий на ОБЖ быстрее всех разбираал-собирал автомат. 24 секунды – рекорд школы. Быстрее всех надевал Савелий и душный маскхалат под глупые смешки увальней-одноклассников. Соревнования начинались со «шпаги». На фехтовании Савелий чаще всего выжидал. И наносил свой укол в контратаке. Именно его укол был результативным. Он опережал противника, он был молниеносен. Савелий тренировался и сам, приходил на бег раньше всех и отрабатывал выпады с шпагой в зале. Он верил, что в пятиборье у него всё впереди. Фехтование и плавание – его виды. С бегом и стрельбой дела обстоят похуже. Но не надо сдаваться. Максим Владимирович поддерживал, объяснял, что рано или поздно в беге количество перейдёт в качество, а стрельба – это «чисто нервы», так говорил тренер, уточняя:

– Зрение хорошее?

– Не жалуюсь.

– И отлично. А в беге... На стопу не опускайся, и скорость вырастет. – Почувствуешь тогда сам, станет легко бежать.

Хорошо, когда есть цель, когда ты надеешься, веришь в лучшее. А вот Лера, кажется, больше ни на что не надеялась. Когда Савелий пришёл в пятиборскую спортшколу, она смерила его презрительным взглядом, сморщила носик:

– Фууу... Опять жирный приполз.

Лера тогда была звездой, сто метров плыла за минуту-ноль три. Бегала быстрее всех, стреляла метко. И уже ходила к лошадке, приручала её, приучала к себе. Лера, да и все вокруг, думали, что растёт будущая чемпионка, и целеустремлённая какая: до коней ещё шесть лет, а она уже сама занимается конным спортом¹⁵.

Папа Леры всегда приходил на тренировки, стоял на трибунах в бассейне, прогуливался по стипль-чезу, где разминались конники и пятиборцы. В тир папа Леры не ходил, просто гулял, удовлетворённо попыхивая ароматной сигаретой.

Савелий видел, как Лера гнобит других девочек, особенно слабым доставалась. Он тогда заканчивал тренироваться первый год. В мае были внутренние соревнования, внутришкольные. У девочек забеги даже не распределялись. Просто разбили девочек на два забега. Савелий разминался на полянке под берёзой, недалеко от линии старта. Савелий делал махи, как учил Максим Владимирович – дальней ногой от опоры махал. И тут он услышал как Лера говорит самой слабой девочке:

¹⁴ Очки за разные виды в пятиборье складываются

¹⁵ Конный спорт входит пятым видом в пятиборье только во взрослых соревнованиях. Юноши соревнуются в четырёхборье, дети в троеборье и двоеборье.

– Не надо в нашем забеге бежать. Иди к другим.

Савелий продолжал по инерции делать махи, потом развернулся, стал махать другой ногой. Но он был возмущён. Эти слова Леры напомнили ему Полину, чемпионку бассейна. Она точно так же нагнала, прогоняла с дорожки тех, кто её «бесил». Больно кольнуло воспоминание: Савелий припомнил, как унижала его Полина. Например, скажет тренер взять колобашки¹⁶, и все берут колобашки, но оставляют их у бортика, на суше. А Полина никогда не вылезала из воды, никогда колобашку перед тренировкой на бортик не клала. А когда тренер давал задание, она всегда брала чужую колобашку, всё равно чью. Когда она забрала колобашку Савелия, он сказал:

– Это моя!

– Была твоя – стала моя, – коротко ответила Полина, зажала колобашку ногами и поплыла «на руках». А ему ничего не оставалось, как вылезти из бассейна, по второму разу идти к полкам... и, бррр, мёрзнуть. Из-за этого Савелий не успевал выполнить задание, а тренер ругался. Настроение было испорчено, не было никакого желания плавать. Полина ничуть не мучилась из-за своей вероломности, она не замечала Савелия до следующей колобашки...

И тут, на пятиборье, – подумал тогда Савелий, – то же самое. Лера – это клон Полины. Савелий оторвался от берёзы, подошёл к растерянной девочке, сказал:

– Не слушай ты её. Максим Владимирович сказал тебе в этом забеге бежать, вот и беги.

Лера посмотрела на Савелия безразлично – точь-в-точь как Полина когда-то, и пошла делать беговые упражнения – вроде как ничего и никому не говорила. Теперь и на пятиборье, как когда-то на плавании у Савелия появился враг. Лера, как и Полина, строила презрительные мины, за глаза, за его спиной шутила, язвила, обзывала – что называется, дубль два.

На счастье Савелия эра Леры через два года закончилась. Вика Новикова, худая и угловатая, смахивающая на насекомое-палочника, вдруг проиграла на беге Лере всего-то две секунды. Плавала Вика намного хуже Леры – за минуту-семнадцать, поэтому оставалась второй. Потом Вика стала на беге обходить Леру. Сначала на немного, а потом всё больше. Когда двоеборье сменилось троеборьем, Вика стала постоянным лидером – стреляла она не лучше Леры, но стабильнее. Савелий злорадствовал на стадионе – Лера, когда давали старт, еле начинала бежать – он понимал, что это от подавленности и злости, но он несколько не жалел Леру. Если бы Лера чемпионствовала по-прежнему, то другие, в том числе и он, продолжали бы страдать от её оскорбительных ужимок и ранящих слов. Но, надо отдать ей должное, Леру не сломили поражения, она не бросила заниматься. Папа Леры давно уже не показывался на тренировках, к лошадке Лера больше не ходила, но тренировалась со всеми. Лера знала себе цену. У неё была тонкая талия, длинная шея, она, так говорили тренеры, немного отяжелела для пятиборья, но на взгляд Савелия Лера была очень и очень стройной – это если сравнивать с девочками из бассейна, которых он видел, когда приходил к брату на соревнования. За Лерой ухаживали почти все парни. «Странно, – думал Савелий: – почему за Викторией никто не ухаживает...» Вика была уже чемпионкой страны в командном зачёте.

«Эй! Ты где?» – мигало сообщение Полины. Шесть утра. Она уже бомбит его. Он ответил: «Я здесь. Встречаемся через час в метро». Ехать с Полиной на соревнования – последнее дело. Ехать далеко. На самый север города, а там ещё на маршрутке. Савелия всегда успокаивала эта дорога. Метро, где миллионы людей, но на самом деле ты всегда один. До тебя никому нет дела. Не то, что на дорогах. Когда папа раньше возил Савелия, их всегда подрезали, раздражённо сигналили. А всё потому, что у папы – дешёвый «кореец». В метро никто не знает, бедный ты или богатый. В метро все несут свои проблемы обречённо, покорно, молча. Савелий чувствовал себя умиротворённо в метро. Он был с собой один на один. А тут – надо ехать с Полиной, надо с ней говорить. А что говорить, когда он знает, что через три часа опозорится в

¹⁶ Колобашка – специальный тренажёр для ног. Колобашка ставится между икр, спортсмен плывёт «на руках»

её глазах: фехтование даётся ему, но он промажет на стрельбище, сдохнет на беговом финише, да и проплывёт по меркам чистого плавания неважнецки. Это на пятиборье он звезда в бассейне, а Полина-то, небось, быстрее его двести-кроль плывёт, а уж как там у них сейчас парни плавают, нетрудно догадаться.

Он как зомби встретился с ней. О чём-то говорили, он не помнил о чём, он нервничал, волновался. Все эти дни он бесился, вспоминая, какая Полина была, он её почти ненавидел. Сейчас в вагоне метро, он грустил, что первый и последний раз едет с ней. Она увидит его выступление и больше никогда не захочет с ним знаться, не то что общаться. «Ну и пусть», – решил Савелий в душной маршрутке, когда передавал чью-то мелочь водителю. Маршрутка неслась, маршрутка подсакивала, его мутило, от нервов, от загазованности, от того, сколько людей вокруг. Он отключился, закрыл глаза. Полина пока молчит, она и в метро помалкивала, в толкучке стояла с ним под руку, держалась за него, чтобы не упасть. Накатилось тяжкое мучительное воспоминание. Как раз после того случая он ушёл из плавания.

...В лагере с оригинальным названием «Смена» цены в кафе были зашибись. Справедливости ради, во всех лагерях, где бывал Савелий, и от плавания и от пятиборья, цены в буфетах были высокие. И вот – «Смена», он перешёл в пятый класс. Неделя до конца смены, до конца изнуряющих тренировок, зарядок и пробежек, это не считая обязательной, два раза в день, «воды»¹⁷. Вечером, после скудного ужина, он не идёт, как многие, в буфет. Он идёт в корпус, он поднимается в свой номер. У него в тумбочке лежат печенюшки – купил накануне, пачка 80 рублей, печенюшки с абрикосовой начинкой. Но в номере – парни жуют его печенье, сидят на кровати и отхлёбывают чай из его кружки.

– Не ссы, Сав, – сказал Матвей, мы взяли по полтора печенья, Андрюха – шесть.

Савелию неприятно, он так ждал вечера, хотел взять из тренерской чайник, заварить пакетик чая, сам вскрыть пачку, хотел похрустеть, пожевать, конечно же угостить, почаявничать – живут-то вместе. Ужасно неприятно, что без спросу взяли, противно...

– У нас денег нет, а ты богатенький... – хихикнул Андрюха.

Савелий молчал, не лезть же бить по морде. Начнётся разбирательство, спросят: за что? За печенье! Получится, что он жадный. Он полез вглубь тумбочки – там у него лежала ещё пачка печенья, с шоколадной начинкой. Но печенья не было! Он обшарил всю тумбочку – пачки не было. Он подбежал к Матвею, выбил из его рук пластмассовую кружку – чай измочил шорты Матвея и одеяло.

– Ну ты – покойник! – Матвей с вызовом забросил в рот кругляшок печенья целиком.

Савелий был так зол, что забыл о том, что Матвей – из крутых, а он, Савелий, – из отстойных и плавает последний на дорожке. Савелию сейчас было плевать, что Андрюха, например, ещё занимается борьбой. Он готов был прибить своих соседей по номеру, заодно и тренера, который поселил его с этими зазвездившимися идиотами. Он всегда делился едой, всегда. Не то, что Андрюха или Матвей: халявщики никогда не с кем не делится.

– Сволочи! Сожрали всё до крошки, мне вообще ничего не оставили.

В ответ – гогот.

Наверное, именно тогда Савелий рассвирепел впервые. До животного рыка, до поднявшегося к горлу комка, до звериного желания уничтожить врага. Но драки не случилось. Они попинались с Матвеем, потолкались: чё ты – а чё ты. Андрюха между тем сидел с открытым ртом, в слюнявом месиве застыла полупережёванная кашка... Матвей и Андрей испугались того же, что и Савелий – разбирательства. Но по указке Матвея Андрей стал мстить Савелию. Он подкарауливал его на лестнице, и стягивал с него шорты вместе с трусами. Савелий носился за Андрюхой по всему корпусу, но догнать не мог – он был тяжелее, Андрей – худой, юркий,

¹⁷ «Вода» – тренировки в бассейне

стремительный. На следующий день после несостоявшейся драки Андрей переселился в другую комнату, поменялся, а к Савелию подселили нового соседа:

– Андрей сказал: ты – псих, убить можешь, – и новый сосед, тоже слабак на дорожке, грустно, очень грустно улыбнулся.

Дня через два Савелий увидел, проходя мимо беседки, как Полина сидит с его пачкой печенья. Пачка круглая, цилиндрическая, Полина держала её как морожку и с наслаждением хрустела.

– Так это ты у меня печенье украла? – подошёл он.

– Я в буфете купила, – с вызовом, чересчур уверенно сказала Полина.

– Не надо врать. Эти печенья я последние забрал, с витрины. И больше в буфет их не привозили.

– Да ладно. Мне мама ещё в Москве их в чемодан сунула. Это мои! – презрительно усмехнулась Полина и стрельнула в него карими глазами. Она сидела загорелая, худая, сверкая локтями, коленками, костями ключицы – очень красивая.

– Воровка. – плюнул ей под ноги, развернулся и ушёл. Значит, она. А он думал на Матвея – ему стало совсем паршиво на душе. Но Савелий всё равно не жалел, что чуть не сцепился с Матвеем – Матвей больше его не трогал.

Полина грязно выругалась ему в спину. Тут в лагере все просто сошли с ума. Полина никогда раньше не ругалась матом, во всяком случае, он не слышал.

В лагере он дошёл до предела, дал себе слово, что больше никогда не пойдёт в этот противный бассейн. Тут нет друзей, тут одни твари. Заносчивые, грязные душой, подлые. Сейчас, спустя пять лет, он знал, как называются такие, кто лазает по тумбочкам – крысятники. А тогда не знал. Если бы знал, то бросил бы это слово Полине. Говорил бы до конца смены:

– Крысятница...

– Что? Что ты сказал ?

Савелий понял: он давно не в маршрутке. Ветер, сильный порыв, многоэтажки, и стадион вдалеке. Маршрутка довезла их до конечной, он не помнит, как вышел. Интересно: подал ли он ей руку на выходе? Скорее всего, нет. Они с Полиной идут к стадиону.

– Очнулся? Ты настраивайся, молодец. Я на трибуны, ага?

– Да, Полин, иди. Куртку мою накинь, замёрзнешь, долго сидеть. Ветрило. – Нет, это невыносимо. Он её ненавидит, и так заботливо с ней говорит. Что странно: он, действительно, искренне переживает, чтобы она не простыла.

Судьи уже несли навесы для тира. Рабочие уже вбивали в землю конструкции-стержни, для того чтобы класть на них навесы и столешницы стрельбища.

Она стрельнула на него свои карие глаза, но надменности, превосходства, во взгляде не было. Было беспокойство, он уловил даже неуверенность.

– Чуть не забыл, – она протянула ему чехол со шпагой, она везла его шпагу. Он был так навьючен, рюкзак и сумка (у пятиборцев всегда много вещей, одна фехтовальная экипировка сколько места занимает), что шпагу она у него всё-таки отняла.

– Сначала поединки?

– Угу.

– Потом бег?

– Угу. Мы сначала. Потом мелкие. А мы к стрельбе готовимся. Нам тут на стадионе навес поставят. Мелкие в бассейн. А мы стреляем. Плаваем мы в самом конце. Это часов до четырёх.

– Первый заплыв – сильнейший?

– Ну да. А толку. Девчонки перед нами. Мы тут иногда вообще без разминки плаваем, судьи не любят долго ждать.

– Я давно не разминаюсь на воде перед стартом. Мне в зале как-то проще: потянуться, разогреться, побегать. А ты же ещё и бежишь. Вот тебе и разминка.

– Да уж. Это да, – только и смог сказать Савелий, не будет же он объяснять, что после километра в районе трёх минут результат на воде не ахти. – Всё. Я пошёл. – Он реально не знал как бы от неё побыстрее отвязаться. Все торопятся на фехтование, он один стоит, болтает. Лера уже два раза проходила как бы мимо, как бы случайно.

– Подожди! – сказала Полина. – Дай пятачку.

Он дал ей пять – ладонь ударила о ладонь.

– Всё. Беги! И знай – ты сильнейший!

Он ничего не ответил, усмехнулся небрежно. Вошёл в спорткомплекс, смешался с толпой, лица все знакомые, столько лет встречаются на первенстве. Рядом уже шипела Лера:

– Девушку свою привёл, кавалер.

– Чемпионка города на сто-баттерфляй. Не то что ты, – ответил он ей холодным презрением и тут же пожалел об этом: зачем он расходует силы, Лера же специально его провоцирует.

Лера побледнела, он понял, что задел её за живое.

Фехтование прошло удачно. Он проиграл только два поединка, да и то из-за самоуверенности, по глупости, короче. Иногда надо идти в атаку первым, иногда контратаки не спасают.

Теперь стадион. Он не жалел себя на разминке. Бежал быстрее обыкновенного, обгоняя недоумевающих соперников: ещё три вида, а он так шпарит. Обыкновенно на разминке перед бегом он доходил до состояния абсолютного сосредоточения, ведь дальше стрельба. А теперь – всё. Какое уж тут сосредоточение, когда Полина его обняла и поцеловала в щёку после фехтования у всех на виду. Год тренировок – псу под хвост. Опять отложится прорыв в беге, на таком нервозе и меткая стрельба убежит в страну Гудбай, как любит повторять Максим Владимирович. «Ветер как назло. Хоть бы шестёрки, хоть бы не пятёрки!» – молился Савелий на бегу, представляя мишени.

Максим Владимирович раздал номера. Вкривь-вкось прицепил Савелий номер спереди, сзади ему тоже кто-то приколот, он помнил только, что булавка вонзилась в спину, царапнула, но ничего не сказал: разве это сейчас важно. На старте он занял самую невыгодную позицию. Мама лидера их забегов, сама тренер, давала сыну последние указания. «Интересно, – всё так же несвязно думал Савелий. – А не запрещено ли это правилами?»

Дали старт. Бежать всего-то два с половиной круга. Странно: бежать было на удивление легко. Погода прохладная, солнце не печёт, ветер сейчас в лицо... Топот за спиной. Он обгоняет после второго виража, и после третьего идёт на обгон. Ветер. За спинами сильнейших он видит знакомую футболку лидера. Обычно лидер выигрывал у него секунд десять. Зацепиться и не отпускать лидирующую группу. Перед последним виражом он подобрался к лидеру совсем вплотную... Финиш проходил мимо трибун. Савелий нёсся к финишу из последних сил! Ещё чуть-чуть, и Савелий бы обошёл лидера. Но второе время – это хорошо, просто отлично. «Неплохое, однако, продолжение поединка» – подумал Савелий. Поединок был не только на дорожке фехтования, поединок был у него с прошлым, с той, другой Полиной, которая его унижала, да и с той другой, прежней Лерой вёл он поединок. Он хотел доказать вредным зазнавшимся девочкам из его детства, что он не слабак. Он хотел отомстить им за прошлые обиды сильным выступлением. Ну и конечно же Максима Владимировича нельзя подводить. Приходя в себя, натягивая костюм, он не чувствовал ни дурноты, ни упадка сил. Он жил как в другом измерении. То ли все так плохо пробежали, то ли он пробежал так быстро. Максим Владимирович кричал ему во время бега, потом радовался:

– Вот Сава, вот, что значит на стопе, технично.

А Савелий просто летел как зомби, он забыл о стопе, обо всём, когда бежал...

Второй забег финишировал слабее, Савелию стало ясно, что всё будет зависеть от его стрельбы. Он пошёл трусить по полю стадиона. Савелий боялся смотреть на трибуны. Он чувствовал на себе Полинин взгляд. Его догнала Лера. Из-под расстёгнутой олимпийки видно, как плотно обтягивает купальник её тело. Она всегда бегала в купальнике. Купальник и спортив-

ные трусы – фишка у неё была такая, стреляла она тоже в купальнике. Просто сверху костюм натягивала.

– Я ору с тебя, – сказала Лера.

– Ну так, – выдавил он.

– Там твоя девушка передаёт тебе привет.

Он хотел сказать, что у него нет девушки, но решил ничего не говорить. Странно: неужели Лера с Полиной уже познакомились? На Леру это не похоже и на Полину тоже...

Младшаки быстро отбегали свои пятьсот метров и перешли в бассейн. Толпа родителей ринулась туда же. Трибуны опустели. На трибунах остались только Полина и мама лидера, та, которая тренер и подбадривала сына на старте. Мама лидера сидела бледная, волосы разбрасывал ветер, она была похожа на лохматую несчастную бездомную собаку.

На стрельбе он был спокоен. Весь тряхун закончился, испарился после бега. Обычно ветер его выбивал из колеи. Ещё Савелий всегда обращал внимание на соседей. Но тут Савелий ни на кого не смотрел, ему вдруг сильно захотелось пить. Он вспомнил, что утром не ел и не пил, а вечером не ужинал. Он знал, что так многие делают: не едят в день соревнований, только пьют витаминные составы. Но он и витаминные не пил. Вот откуда лёгкость при беге! Надо меньше жрать. Максим Владимирович ему сколько раз говорил, но Савелий впервые следовал его совету, и то получилось не специально.

Дали разрешение стрелять. Вокруг слышались щелчки... Он прицелился, нажал курок. И ещё, и ещё, и ещё. Потом передохнул и опустошил обойму.

Максим Владимирович, похлопал по плечу:

– Ну наконец-то. Наконец я дождался. Отстрелялся прилично. Десятка есть.

Савелий пошёл на трибуны к Полине – дело сделано, выступил на удивление удачно, не опозорился, а скорее наоборот. Полина сидела с его рюкзаком и с его сумкой, и со шпагой. Улыбалась.

– Полин! Надо в раздевалку было сдать.

– Сдашь там. Всё забито. А без номерка украдут ещё.

– Да ладно. – он достал из сумки воду, сказал: – Не замёрзла?

Полина помотала головой.

– А нос красный. – Он дотронулся до кончика носа: – Холодный.

Полина не отстранилась.

– Ну всё. Бассейн. И всё.

– А награждения? – спросила Полина.

– Придётся ждать. К вечеру тогда только вернёмся.

– Нормально.

– Час-пик будет.

– Норм, говорю же.

Они зашли в здание бассейна, кирпичное, напоминающее больше крепость, чем бассейн. Он больше не волновался. Должно произойти что-то из ряда вон, чтобы он провалил плавание.

– Ты иди разминайся! – сказала Полина. – А я на трибуны. И отдай всё ненужное. – Она стала копаться в его вещах, откладывая плавательные принадлежности.

– Да тише ты, Полин. Там потное всё.

– Норм, – она протянула ему сумку. – За сколько плавёшь?

Он грустно улыбнулся:

– Медленнее тебя.

– Да прям. Нашёл с кем сравнивать.

– Раньше ты быстрее меня плавала.

– Это было раньше. А теперь вы все лоси.

– Ну по сравнению с вашими, я медляк.

– По сравнению с нашими?

– Ну там Матвейч, Андрюха.

Полина испугалась, на мгновение лицо её замерло. Всё. Глаза забежали, как тогда в беседе, когда она хрустела ворованным печеньем:

– Матвей брассист, Андрей бросил давно. Всё. Давай. Работай. Хоре языком чесать.

Он ходил по кафелю бортика, изредка крутил руки, полы его халата распахивались, били по икрам... Он нервничал, смотрел на суетящихся детей. Их становилось всё меньше и меньше. Трибуны пустели. Скоро объявят заплывы четырёхборцев. Сначала девчонки. Девчонок всего три заплыва, а потом он. Полина увидит, какой он стал сильный. Он поплывёт по центральной, самой удобной дорожке. Первую сотню он будет проигрывать, он сядет на волну соперникам, а дальше легко «съест» их, на финише опередит минимум на пять метров, это минимум. Во всяком случае, всегда было так. Он проходил мимо трибун. Полина сидела на последнем самом высоком ряду, в руках у неё была колобашка.

– Тут на стуле лежала, – помахала ему Полина. – Кто-то забыл. На! Лови!

Он не поймал колобашку, она упала на кафель – Савелий поднял её. Тут выбежал из раздевалок пацанёнок в спортивном костюме:

– Это я забыл. Она моя, моя личная. Я тут на трибунах сидел и забыл. Отдай! Моя!

– А теперь моя! – улыбнулся Савелий и протянул пацанёнку его колобашку, пожал руку.

Мальчик посмотрел на него снизу вверх:

– Это ты на фехтовании всех кольнул?

– Я.

– Мы с мамой специально пораньше притащились посмотреть фехтование.

– Спасибо!

– Я тоже чемпионом буду – пацан убежал, двигаясь по мокрому полу как на коньках, размахивал колобашкой.

Савелий хотел пошутить пацану вслед. Но не стал. Они все прикольные эти мелкие. И воинственные такие. Он таким не был.

Всё. Надо настраиваться на старт, не отвлекаться. Обидно будет на самом простом спалиться перед любимой девушкой. Савелий теперь точно знает, что Полина его любимая. Мало ли, что там было в детстве, сейчас они уже не дети. Она – бывшая чемпионка, а он, кажется – тоже без пяти минут чемпион города в спортивном четырёхборье, тьфу-тьфу-тьфу, чтобы не сглазить.

Молчание – знак согласия

Кристину дразнят «крейзи». С ней никто не дружит в секции. Конечно же это из-за её сильного кифоза, считает она. Но Кристина меняет отношение к себе, когда у неё появляется парень.

– Крейзи, – кричали ей вслед.

Нет, она не была сумасшедшая, просто у неё были проблемы с позвоночником, маленький горб. Нет, этот горб совсем не был замечен под одеждой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.